Владимир Некляев

ДЕРЕВО БОЛИ

стихи
и поэмы

*Перевод
с белорусского*

МОСКВА
СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
1 9 8 6

П А Р О М

* * *

Перелетная птица сломала крыло в проводах
У родительской хаты —
И кричит, будто пилит железо,
и крик ее тает в полях:
«Это — вы! Это — вы!
Это вы виноваты!»

И на крик ее стаю вожак повернул.
Чередой
Кружат птицы над крышей,
рубя облака на окрошку...
Ведра в хате пустые,
Но страшно идти за водой,
Будто
Будет
Бомбежка.

* * *

...И не только фасоны пальто,
Интерьеры и прочее.
Изменяется то,
Что казалось незыблемым. Прочное.
Всех привычек корабль
Тонет!.. Вечная память!
Но стоишь как на кочке в болоте журавль —
Негде ногу вторую поставить.
Друг пристанет
Объяснять суть и смысл перемен...
Проступает фундамент
Из-под рухнувших стен.

В САДУ НАД РЕКОЙ

Несовпаденье дат.
Несовпаденье вех.
...И вот летит назад
Давно забытый снег.
Взметнул забытый дождь
Хрустальное крыло.

Пусть было все —
И все ж,
Что будет — не прошло.

В саду, где над рекой
Все бредит соловей,
Пружиной
Под рукой
Наруженность ветвей.

Отпустит ветку сад —
Она за горизонт
Мелькнет — и вновь назад
Вернется, прирастет...

ДЕРЕВО БОЛИ

Колокола со всех сторон.
Какое время болевое!
Хатынь!
Мне не дает покоя
Твой перезвон.

На пекло — не перекреститься.
Мне нынче снится,
Завтра снится,
Как тяжко стонут половицы,
Как соль на полках серебрится
В сожженных хатах,
Прежних... тех...

Как дверь визжит,
Белеют лица.
«Скорее, Стас! Беги! Полиция!!!»
«За мной?» —
«За всеми!!!»
...Скопом... всех...

Добру и вере —
Настежь двери.
И на войне, как на войне,
Прижми к груди комочек веры
И рук не разомкни в огне.
Глаза детей исходят стынью...
Гром над Хатынью!
Дым над Хатынью!

Лег сеятель во мгле подзвездной,
Родной землею не прикрыт.
Над ним склоняются березы,
Шумят, светлеют три березы —
Черна четвертая,
Горит!..

Пока мы анекдот солененький
Перетираем в чашке с сахаром,
Мир задыхается символикой
Смертей и страхов!

Мир болен прошлою войною,
Но снова рыщет
Она над каждою страною
И жертвы ищет...

Хатынь!..
Невестами на выданье
Светлы березы...
Я не затем пришел, чтоб выдавить
На пепел слезы.

Я пал ничком на поле мертвое,
На пепел доли —
Под золотую,
Под четвертую
Березу боли.

РОДНОЕ

Весенний первый гром
Скатился, как с горы,
Раскатом у криниц дубы шатая.
Здесь аистов земля.
Озера да боры.
Окопы да полынь — земля святая.

И не забыт здесь плач —
И не убит здесь смех,
И в пенье птичьих стай не слышно укоризны.

Здесь дождь не просто дождь,
И снег не просто снег —
Ведь это дождь и снег
над берегом
Отчизны.

ЛИНИЯ СУДЬБЫ

Аэронавтики законы
Совсем просты:
бери — и клей...
И взвился у крутого склона,
Раскрашен страшно под дракона,
Воздушный змей!

Непредсказуем путь небесный!
Бумажный мой, отважный змей
Плывет по линии отвесной
От рытвин, сучьев, от камней,
От жгучих зарослей крапивы...

О, рык восторга! Боль! И страх!
Не упади, мой рок счастливый,
Драконом о шести хвостах!

Деревня смотрит, руки в боки,
Как он парит, огненнобокий,
Как вырывает нить из рук.
Рубец от нитки ноет жгуче —
Вперед, вперед,
мой змей летучий,
За кругом круг,
За кругом круг!

...Напротив неба — твердь сырая.
Судьба — кругами сквозь огонь.
Терплю, высоты набирая.
Обрывок нитки врос в ладонь.

* * *

Вела за калитку...
У края отцовского поля:
«Сынок мой...— сказала,—
Какой же наказ тебе дать?
Ни разу не сбиться с дороги — завидная доля,
Но с этою долей
Ты можешь себя потерять.

Так пусть ты узнаешь
блужданий нескорбные муки,
Дойдешь — и вернешься,
Найдешь — и не станешь беречь,
Отпразднуешь Встречу
в минуты смертельной разлуки,
Оплачешь Разлуку
в минуты безрадостных встреч.
По белому свету
Ищи свою долю упрямо...»

Он жил этой долей.
Любил. Расставался.
Плутал.
Домой возвратился.
«Сынок мой,— окликнула мама,—
Нашел?.. Потерял ты?..»

Заплакал —
И в ноги
Упал.

* * *

О, женщина...

Встала она над вечерней рекой
И долго смотрела, как волны качают звезду.

Потом я
в болотистой пойме
русалку найду.
Русалочьи очи закрою спокойной рукой.
Потом я — ослепший — по берегу
Буду
Идти.
И будут две черных гадюки
За мною
Ползти.
Догонит одна —
И вонзит в меня страшный заряд.
Догонит другая —
И высосет яд.

* * *

Вышел.
Качнулося поле
За небосклон путеводный.
«Милая! Что это?» —
«Воля».—
«Воли не знает свободный».

К дому спешил через степи.
Ткнулся в цветы на подоле.
«Милая! Что это?»—
«Цепи».—
«Знаю. Сорвать их — и воля».

СЕМЯ

...Не хранили следов его
тропки,
овраги,
накатник,
Ни пустырь,
ни заросший осокою плес.
Пер мужик наугад —
Прикипел к его ключицам ватник.
Он в заветном платке
семена потаенные нес.

Как от смерти бегут,
Он от жизни в яремах спасался,
Хоть ни жизнь и ни смерть
Не грозили расплатой ему.
Он три раза бежал,
Он три раза домой возвращался...

На четвертый вернулся —
да не было больше к кому.

Он три ночи стоял
неподвижно у отчего дома,
На четвертую ночь
Бросил семя в размытый подзол.
И земля содрогнулась,
как будто от низкого грома,
И отринула семя,..

Тогда навсегда он ушел.
Все четыре конца
Раздобытого кривдой простора
Потащили его
за укрытое тьмою село.
Ничего впереди...
Позади, как собака на вора,
Грома лаяло эхо.
Пустырником поле цвело.

ЛЕВКИ

Мне снятся сны о Беларуси.
Я. *Купала*

Дорога вела на Левки.
Стояли леса — велики.
Катилась река — велика.
Дорога текла в облака.

Там звездные стыли поля,
Простор, что не знает предела,
И в нем пролетела Земля —
И возле виска просвистела.

Вздымала дорогу гора,
И там, где она пропадала,
Над вечной водою Днепра
Стоял неподвижный Купала.

Катилась река в окоем,
Текла,
Как могла,
Как хотела.

Был страшен Купала —
На нем,
Еще довоенном, живом,
Рубаха огнем пламенела.

Ворочался призрак беды,

Рождаясь во чреве оврага...
Всего только шаг до воды!
...Не ступит он этого шага.

Он шкуру сдерет, как лоскут,
И бросит судьбе как гостинец.

Он вольно пройдет сквозь Москву
По стертым приступкам гостиниц.
Он будет на сходках ночных
Спасенных от пули и страха
Друзей обнимать,
Чтоб на них
Как пламя горели рубахи.

Он будет!

Звенел окоем,
За ним полыхали зарницы.

Все это случится потом.
Все это совсем не случится.

Лишь глянет война исподлобья
Глазами минутной вины,
Читая на камне надгробном
О Родине смутные сны...

* * *

Он в храме. Надменный старик.
Почти неживая природа.
К нему привыкаю я годы,
И странно — еще не привык.
С той ночи, когда я унес
Его, избежав самосуда,
Еще меня мучит вопрос:
Зачем он? И кто? И откуда?
Бездарная, в общем, мазня
Увядшей культуры Востока...
Но смотрят в упор на меня
Глаза палача и пророка —
Пустые глаза! Два мазка
Утратившей цвет акварели...
Я помню! — они свысока
Из бездны гордыни смотрели
На суетный мир...
Не застыл
Их взгляд...
Как пространство в нем свищет!
...Все то, что душа моя ищет,
Старик это знал
И забыл.

ПОКИНУТЫЙ БЕРЕГ

Зерна сгнивают в мокрой стерне
Склонимся долу.
Не выпадает по сходной цене
Выкупить долю.

Берег свой кинул —
И берегом стал
Краешек неба.
Только в высотах,
куда прорастал,

Пусто и немо.

Звезды посыпятся.
Рухнет луна,
Небом отринута...
Воды качнутся — ударит волна
В берег покинутый.

ПАРОМ

Серебряный след на воде.
Ночной силуэт у парома.
Я снова остался без дома,
Живу на пароме. Нигде.

Паромщик, скажи, дорогой,
Куда мне на этом пароме?
Все те же и то же там, кроме
Того, что тот берег другой.

Паромщик, куда ж мы плывем?..
В судьбе — перекличкой кукушек
Лишь медленный этот паром
На Соже
Меж двух деревушек,
Лишь лунная речка в горстях...

Да брось горевать о корове!
Давай говорить о стихах
На медленном нашем пароме,
Залитом серебряным светом,
Плывущем по лунной воде...

Ну где еще скажешь об этом!
Уж если не здесь, то нигде,
И если не мы, то вовеки
Никто и не вспомнит о том,
Что есть еще светлые реки,

Где ходит —
С варягов во греки —
Меж двух деревенек
Паром.

ОХОТА

Сбили на взлете...
Падала, шатким крылом
Небо цепляя...
Добыча... Птица былая...
По вертикали повел мой товарищ стволом:
— Мимо, бодай тебя... Мимо, холера!..
— Бывает.
— Ты молодчина. Где насобачился, слышь?..
Цезарь, апорт!..

А она еще чиркнула искрою
По небосклону —
И врезалась в темный камыш
Отзвуком выстрела.

Ради товарища
злость гримирую под фарт,
Хоть и товарищ былой,
В стае моей не летает...
— Брось ты, ей-богу... Не понимаешь?.. Азарт!

Не понимаю, если азарт добивает!

Память моя!
Ты, как опухоль, стала болеть.
Предки, потомки пытают мой разум наветами
Слышу — и глохну,
Вижу — и страшно смотреть.

Раны вопросов бинтуются поздно ответами.
Выше ответов
убитая птица плывет,
Выше вопросов,
где истину пулей не вырвать,
Истина — вечное.
Выше—лишь выбор ее.
Вечное выбрав,
Истину можно не выбрать.

Ах, эта птица,
Что облако с небо смела!..
Кто растолкует мне
связь
между ею и мною?
Только вопросы меж нами, пещерная мгла,
Только щемящая память крыла за спиною.

...Мы
На Земле
Место
Нашли
Поуютнее.
Дров нарубили. Сварганили ужин и кров.

Под небесами,
где искрами зыркали спутники,
Воды баюкали
Отблески наших костров.

* * *

Удержи меня... Не отпускай...
Рук не простирай передо мною...
Пусть твоих проклятий я не стою —
Проклинай.

Проклинай, припомнив все утраты.
В том, что не сберег, не сберегу,
Не могу я
Быть
Невиноватым.
Слышишь, не могу.

День прощанья — лучший день для мщенья.
Не предай меня, не измени —
Не карай меня ты всепрощеньем!
Смилуйся...
припомни...
прокляни.

БАНАЛЬНОЕ

«...Пусть так!» —
И засмеялась.
И ушла.
Был смех ознобным, как в жару в колодце
Вода,
и резким, как толчок крыла,
Что в памяти лопаток отзовется.
Когда —
на колокольню —
И лети
От докрасна заласканных
К опальным!..

Банальности не мог перенести,
Но вот
ушла —
И некуда банальней.

За дверь:
«Вернись...»
И с шепота —
На крик!
И плачешь! Унижаешься! Глупеешь!..

И так высок банальностей язык,
Что даже говорить на нем не смеешь.

ВОЛЧЬИ НОЧИ

Когда порой ночною волчьи стаи
Исходят воем, давятся тоской,
Тогда и я безуметь начинаю,
Как будто узнаю, припоминаю
Знакомый голос в этом вое.
Мой.

Мне жутко ощущать,
Как я зверею.
Жду избавленья в том, что просветлеет,
Ночь сгинет и заменит день ее...
А днем не вспомню ничего. Не смею.
Хотя под языком и холодеет
Протяжное звериное вытье.

ЧЕРДАК

Я понял, что я не усну,
В ненастье окно открывая.
Там ветром качало сосну
И грохала сталь листовая...

...Я встал и полез на чердак.
Но ветром свечу загасило —
И в щели обрушился мрак,
И взвыла нечистая сила.
Я тыкался слепо в углы,
И всюду стонало, гудело,
И мгла, словно тесто, густела,
И бесы свистели из мглы.
«Огня! — закричал я.— Огня!»
Совсем одурев от испуга.
Ну кто мог услышать меня
За лесом, за ветром, за вьюгой?
Я темень месил кулаком,
Ногтями ей морду царапал.
«Подонки! Ублюдки! Арапы!» —
Вопил неизвестно о ком.
И вдруг — словно кровь по игле —
У глаз моих искра мелькнула,
И вспыхнуло что-то, сверкнуло,
И что-то возникло во мгле.
«Тут есть кто-нибудь?» — я спросил,
И всхлипы услышал, и всхрапы:
«Да, есть. Те, о ком ты вопил.
Подонки. Ублюдки. Арапы.
Здесь бал! Здесь всемирный шабаш
Справляет нечистая сила.
Ты с нею,
Ты с нами,
Ты наш,
Тебя эта мгла пригласила.
Ты нынче узнаешь восторг
Предательства —
Волком на запах
Пойдешь ты за ним на восток,
На север, на юг и на запад.
Ты станешь, как старость, седым,
Но розовым будешь, как детство,
Вдохнув наркотический дым
Запретной свободы злодейства...»

«Свечу,— я взмолился,— свечу,
Довольно плести небылицы,
Я лица увидеть хочу,
Какие вы носите лица?!»
«Прекрасные! — прогрохотал
Тот голос, как сталь листовая,—
Ты их без труда бы узнал,
Альбом своей жизни листая.
Смотри...»
Засветилось кольцо
Безжизненным светом неона,
И в нем я увидел лицо
Прекраснее лика Мадонны!

«Ну что,— мгла спросила,— узнал?
Она тебя здесь ожидала...»
И в ужасе я закричал —
И мгла мне в ответ закричала.
«Нет, нет! — я кричал.— Это ложь!» —
«Пусть ложь! — мгла кричала.— И все же
Ты с нами, на нас ты похож,
И все остальные похожи!
При свете — друзья и родня,
А ночью — по норам крысиным...»

Нащупав бутыль с керосином:
«Огня,— прохрипел я,— огня!»
И, вспыхнув, сосулька свечи
Повисла во мгле, оплывая;
Я бросил бутыль в кирпичи...

...И тут же очнулся, пылая.
Стонал и шатался мой дом,
И грохала сталь листовая,
И вьюга, весь мир заметая,
Вопила, небес достигая,
Бог знает о чем и о ком.

* * *

Нечастый праздник встреч
Давай отметим тихо.
Пусть красной соловьихой
Поет в честь встречи
Печь.

Из-под ее крыла
Нам выбрызнут уголья
Ту песню, что была
Хозяйкою застолья.

Видать, она — на раз.
Да, все, что в нас поется,
Сгорит в свой звездный час
И больше не вернется.

Так что же делать, друг?
Подкинем в печь поленья...
Не вечен дружбы круг,
Слабы его сцепленья.

Сведя часы в один,
Давай обманем вечер
И дольше посидим,
Чем длится наша встреча.

Одна из редких встреч,
Когда в душе так тихо,
И только в хате печь
Поет как соловьиха...

ХОДОК

Владимиру Короткевичу

Баклага, посох, торба на плечах —
Для наших будней
облик маскарадный.
Идет ходок в поход свой многострадный,
Идет ходок,
он сам избрал свой шлях.

Из рощи — в бор,
С низины — на бугор
Идет ходок.
Бездельники, барыги
Кричат:
«Эй ты! Где крест твой?
Где вериги?»
Ходок идет,
Не видя их в упор.

Он выбрал шлях — и не своротит вбок
От истины, известной всем от веку:
Почти что все,
что нужно человеку,—
Краюшка хлеба да воды глоток.

Почти что все. Почти, почти, почти...
Но нет, не все, раз ком стоит у горла,
Не все, не все, когда в душе, как в горне,
Тоска такая — господи прости!

О ком? О чем?
Оглянется кругом —
Шепнут колосья на обмежке поля:
О том — что правда,
И о том — что воля,
О самом тайном, самом дорогом,

О всех, о всем —
До слез, до слез, до слез,
О самом кровном в бесконечном свете,
Что тихим ветром прошумит в привете
Веселых веток полоцких берез.
Что грозным ревом грянет в турий рог
У Турова — и отзовется в Креве...

Пусть кружит шлях,
Как кружат кольца в древе,
Пусть без конца он.
Но идет ходок.

Идет, и все...
Пускай горит ему
Неясный свет созвездий путеводных,
Чтоб мог спасти он сирых и голодных.
Кого? —
Ему известно одному.

Идет ходок...
Бушует круговерть

И жизнь его
легко на круги нижет:
Он знает слишком много, чтобы выжить,
Он знает мало,
чтобы умереть.

ТРАКАЙ

Я помню, что песня была. Не помню — какая.
На западе тлели червонные башни Тракая.
Озера Тракая челны колыхали —
такая
Знакомая песня звучала...
Не помню — какая.

Был август вечерний, озябший у озера, росный.
И пахло травою и рыбою, мокрыми веслами.
Луна опускалась, пространство меж башен
заполня.
Я все декорации помню.
Ход действий — не помню.

Так странно не помню, что это не может
забыться.
Как будто былое еще только думает сбыться —
И можно в нем что-то
сменить, переставить, подправить
Как в пьесе,
Которую заново нужно поставить.

Минувшего память — как сталь листовая под
прессом
Пружинит, но гнется...
И вот переписана пьеса,
И тот, кто когда-то
был просто статистом в массовке

Возжаждал героем стать в новой ее постановке.

Но я не об этом...
А песня — о ратях о княжьих.
О подвигах вроде. А может, о подлостях вражьих.
Собьется погоня. И можно отряды пополнить.
История — то, что невыгодно в точности помнить.

Что гонит отряд из Тракая до Кревского замка?
История с нами торгуется, словно цыганка.
Усталому Витовту — нет! — не дождаться короны.
Законы истории — непрописные законы.

Я вновь не о том...
Обрывается думка, как тропка.
Минувшее с будущим в сумраке сходятся робко.
Иду по канату. Две прорвы с боков, две лавины.
Бирута и Кейстут!.. Споем и поплачем, литвины!

Споем и поплачем,
Разлив по посудинам брагу,
Споем и поплачем и выпьем до дна за отвагу,
За предков отвагу,
Еще — чтобы жили потомки,
Мы — мостик меж ними,
А дальше — за нами — потемки.

Нам имя — когорты.
Другого нам имени нету.
Чтоб нас не забыли, оставим потомкам заветы.
Оставим заветы — хоть это, конечно, не ново,—
Чтоб вызрела нива, где сеяно слово,
А слово
Пусть ляжет на слово, как колос на колос
Ложится, чтоб выстоять бурю,
и голос на голос,
Уста на уста,
И руки пусть лягут на руки.
Нет, песню не помню.
Мелодия...
музыка...
звуки...

ЛИСТОВКА

Сколько слов про любовь и добро
Осветляли потерю!..

Я в бессилье откину перо —
Сам себе уж не верю.

Нестерпимо.
Гренада была —
Вновь гренады.
Из всего, что земля приняла,
Выспевают снаряды.

Для чего ж нам ломиться в сердца,
Милосердный мой брат?..
Нестерпимо.
Но нету конца
Спискам наших утрат.
Сквозь меня напролом
Гром! —
и пулей пробита листовка:
«Больше одним с пером —
Меньше одним с винтовкой».

ОБЛАКО НАД ШКОЛОЙ

— Облако это хоть постриги —
Пасется на небе овечкою облако.

— Ага. Постриги — и сразу беги:
Схоже с медведем облако обликом.

— Да нет, у него плавники как у рыб.
— Похоже на взрыв.
— На атомный гриб.

— Дурак ты! Оно — как копна у межи
Бери и набрасывай в резвины.

— Как гриб, говорю!
— Своей мамке скажи!..

Детские игры... Сны... Миражи...

Облако это на виражах
Четыре стрижа,
Как четыре ножа,
Взрезали.

ДЕСАНТ

Шли волки по следу
Отбился десант.
— Отметим победу,
Сказал лейтенант.
По кругу пустил
Неразбавленный спирт
— Чередченко пил?

А Чередченко спит.
Чередченко спит —
И ему никогда
Уже не приснится
Ни спирт, ни вода.
Просветы погон
Не приснятся ему.

К чему этот сон?
Я не знаю, к чему.
Но после победы,
Не зная войны,
По горькому следу
Голодные сны
Идут волчьей стаей...

Проснусь. Зазнобит.
Следы заметает.
Чередченко спит.

НА ПАМЯТЬ

Партизанского лагеря
Пожелтевшее фото...

Славной выдумке Дагера
Благодарствует первая рота.

От ее командира,
Русочубого, первого справа.
На девятый день мира
Он погибнет под Прагой.

Рядом, справа вторая,
Дорогая его, связная,
Что останется жить, умирая,
Но на фото об этом не знает.

И народится сын.
Русочубый.
Военным пилотом
Через тридцать один
Год
он встретится с батькиной ротой,
Поределой
И лишь на утраты богатой...

Станет слева
И будет смотреть виновато.

Рота ахнет нескладно,
Память роту качнет, зашатает:
«Экий скроенный ладно!
Только роты ему не хватает...»

Есть на время управа,
И без музыки долгой
Рота скажет
стать справа,
Первым справа —
по праву и долгу.
Годы схлынут водой,
Оживет пожелтевшее фото:
Командир молодой...
С ним
бессмертная
первая
рота...

БОГАТЫРСКАЯ ГОРА

1

Грохнул в подножье горы —
пала, расколота:
«Сколько захочешь бери
чистого золота».

Не наклонился поднять —
зря умоляла.

Встала гора
и осталась стоять
там, где стояла.

2

Обратной дорогою шел,
грохнул — не пала.
«Что ж ты,— спросила,— нашел?
Сила и та вон пропала».

Глянула — темень в глазах!
Страшная сила!
«Ты заслонила мне шлях».

3

И отступила.
Долы открыла... А он
двинулся верхом.
... Плач, что катился вдогон,
сбросило ветром.

ПОПУТНАЯ

Мелькают вехами судьбы
Километровые столбы,
Дороги пыльная шлея
Дымится за попутным «ГАЗом».
Зеленоглазая моя!
Я не люблю зеленоглазых!

Но безрассудна эта сила,
Что сквозняками в нас гудит.
На миг она соединила —
Навек она разъединит.
За эту близость
Крови, пота
Каким пространством заплачу?!
Но кто-то нужен,
Нужен кто-то,
Чтоб припадать на поворотах
Судьбой к судьбе, плечом к плечу,
Забыть
о будущих утратах...
Но всю последнюю версту
Ты смотришь как сестра на брата,
Как сирота на сироту.

СОВЕТ

По чьему-то пустому совету
Человека мотало по свету.

Человека прибило к порогу —
Он глаза проглядел на дорогу.

Не семье благодарен, не дому.
Благодарен совету пустому.

СОН

«Я замыслил побег...» —
«А куда?» —
«Никуда». —
«А зачем?» —
«Неизвестно». —
«Как странно».—
«Не странно, а страшно».—
«Немного».—
«Я бегу по ночам,
Меж огней,
По гремящим дорогам...» —
«Никуда?» —
«И туда,
Где живешь ты еще, слава богу,
И тяжелые волосы
Гладишь
На хрупком плече».—
«Ты ко мне убегаешь?» —
«К тебе».—
«Это странно вдвойне».—
«Это страшно вдвойне».—
«Я понять не могу!..» —
«Понимаешь,
Если каждую ночь от меня
И ко мне убегаешь!..»
— Ты меня разбудил?..
— Да.
— Зачем?..
— Ты кричала во сне.

ТЫ ДА Я

То стоим на виду,
Всем заметные, будто калеки,
То бежим, как по льду,
Когда вскрылись и движутся реки.

Наперекор. Наперерез.
Стресс. Нервы.

Вызывать интерес —
Называется это, наверно.

ЗАВТРА РАНО ВСТАВАТЬ

Завтра рано вставать...
Очумелая полночь в окно
Хмуро пялит бельмо,
а беседе конца не видать,
Хоть и сказано все
и допито до капли вино —
Не помощник сегодня оно,
завтра рано вставать.
Наши зябкие тени
устало лежат на стене,
Завтра рано вставать — надо спать,
надо спать, надо спать;
Нам иль страшно обоим
последнее слово сказать,
Или нечего больше сказать,
завтра рано вставать.
Что решим мы сейчас,
не прощая друг друга — виня?
Завтра рано вставать,
поздний час, поздний час,
поздний час.
Вот мы рядом сидим,
и не ведает каждый из нас:
Как в тебя мне ворваться,
тебе—как ворваться в меня?
Полутемен вопрос,
полутемен невнятный ответ,
Что-то есть между нами,
о чем не дознаться вдвоем.
Может, третий здесь нужен,
тем более речь-то о нем?
Завтра рано вставать...
Ну так нужен нам третий иль нет?
Ночь истлеет углем,
и останутся пепел и шлак.
Потеряют со скуки
слова первородство и честь.
Знаю: истина есть,
знаю: истина есть,
Только мы не приблизились к ней ни на шаг,
ни на шаг.
Значит, кончим ничем,
как и начали все ни с чего.
Завтра рано вставать —
ну, не мучь, не тяни, не томи...
Свет редеющих звезд
приналег на ресницы твои,
Откачнулася тьма
от святого лица твоего.
Мне б молиться пред ним.
Или, может, бежать его прочь,
Но прирос, прикипел,
как горбун прирастает к горбу!
Завтра рано вставать —
рассчитаться судьбой за судьбу,
День не сможет помочь,
коль спасти не сумела нас ночь.
Поздно ранить друг друга

уколами взглядов и слов,
Если клятвами всеми
посмели легко пренебречь.
Надо спать, надо спать,
не перечь, не перечь, не перечь,
Полночь взбила подушки
под тенями наших голов.
Тени наши уснули.
Раскинулись, словно в степи.
Я привычно поправил
подушку под тенью твоей.
Завтра рано вставать...
А луна между наших теней,
Как часы, все качается
на золоченой цепи.
...Рано, рано вставать...

АКТРИСА

Театр закрыт. На сцене убран свет.
В гримерной пахнет пудрой и кефиром.
Актриса ищет в сумочке билет
На электричку в 0.24.
Из полумрака в зеркало глядит,
Себя в себе не сразу узнавая.
У глаз морщинки... Боже, скверный вид...
Прикуривает, пальцы обжигая,
Роняет спичку на пол...
Сквозняки
По электричке сумрачной гуляют.
За час езды до станции Синьки
Актрисе три свиданья назначают.
А в тех Синьках — последняя изба —
Угрюм,
Худющ
И бородат, как Нестор,
Ждет друг ее... Он первая труба
В провинциальном духовом оркестре.
Считается еще, что он поэт,
Которого чужая зависть губит,
И от него
житья и спасу нет!—
Но одного его актриса любит,
Когда бежит к озябшему крыльцу
Тропинкой меж кустов сирени редких,
И ударяют ветки по лицу,
Тяжелые, безлиственные ветки,

Когда на двери падает засов,
Когда...
Она не помнит остального!..
Он ей такую смог внушить любовь,
Какою любят ангела больного.
Что из того, что насмерть надоел
Он всем другим! Ей до других нет дела
Всю ночь в избе слепящий свет горел,
Всю ночь труба серебряная пела!
А утром в электричке сквозняки
Насквозь актрису прожигали снова;
И волосы метались у щеки,
Как будто крылья ангела больного.

ПИЛИГРИМ

Вошедший в дом оставил за порогом
Хулу и лесть, но не оставил вздор,
И, говоря о разном и о многом,
Все ни о чем ведет он разговор.

«Не поминайте всуе имя бога»,—
Твердит вошедший в дом. На нем до пят,
Как пыльный плащ, наброшена дорога,
И сапоги истертые скрипят.

Он ходит по паркету, оставляя
Следы болот, пустынь, солончаков...
Кто — эта пыль, кто — эта грязь святая,
Изгой, отшельник этот — кто таков?

Никто не знает. Только столь постыдна
Жизнь каждого из приглашенных в дом,
Что святость пилигрима очевидна...
Он говорит о вздорном, о пустом —

Но в мире, где из хлеба бомбы лепим
Мы весело, как дьяволы в аду,
Невольно содрогает душу
Лепет
Про Страшный суд в двухтысячном году.

* * *

Равнодушно проходить
Мимо кладбища и мимо
Дома деда Ибрагима,
Продолжающего жить.
Кто теперь в его дому
Сказки слушает и были?
Мы когда-то славно жили,
Не подвластны никому.
Он — могильщик, я — поэт.
Мы устроились что надо...
За кладбищенской оградой
Никаких смятений нет.
Захороним — и живем,
Пересчитываем деньги.
Песни долгие поем
Про ордынские набеги.
А потом стихи строчим,
Говорим про все на свете...

Славы ждал я... Ибрагим
Ожидал спокойно смерти.
Каждый занят был своим,
И в своем был каждый правым.
Но меня надула слава,
И не умер Ибрагим.
И, наверно, потому
Нас судьба разъединила,
Что вдвоем нам не фартило —
И ни мне, и ни ему.

ЖЕЛНА

Нине Матяш

Даже эха нет в этом лесу —
Лес пустой, как прореха.
А бывало, слыхать за версту,
Если белка играла орехом,
Если щелкала зубом о зуб...
Тишь. Не просит источенный дуб
Дятла-колотуна
Прочищать стариковское ухо;
Глухо
От светла до темна
В сонном сумраке елей и сосен...

И заплакала утром желна,
Нет — запела внезапно желна,
Что от века была безголосой!

Как звенела она!
Кто она? И откуда она?
Не видать!.. Только голос в окрестье!
Только в медном оркестре
Золотая струна!

И тогда ожила
Медь, что было совсем онемела:
«Как смогла?..
Как посмела!..»

Сыч вопил из дупла,
И сова, задыхаясь, лютела:
«Здесь она не жила!»

Ну и что — не жила!
Не жила — прилетела!

И над будничной сушею
Затихал
золотой ее голос...

Песне надо, чтоб слушали.
Чтоб на песню был голод.
Только лес — как стена.
Даже ветер в вершинах не свищет.

Улетела желна.
Где она
лес свой ищет?

ПЕСЕНКА

За лесами за дремучими,
За чужою стороною
Есть река с водою мертвою
И река с водой живою.
Зачерпнул я из живой реки,
Нес домой я воду в пригоршнях,
Но лишь капля в них осталася,
Будто косточка от вишенки.
Встал я в поле между двух могил,
От зимы стоял до осени,
Будто помнил, знал, да вот забыл,
Где живую каплю бросить мне.
А далёко все текла река,
У могил калина вызрела...
Пала капля, как слеза горька,
На горючем камне высохла.

КОЛЕСО ОБОЗРЕНИЯ

БАЛЛАДА ЛЖИ

Я выходил на сцену — и читал
стихи,
интимно
голос
понижая...
Передо мной был зал. Обычный зал.
В нем стыла тишина сторожевая.
Я знал, чем подкупить его и взять,
Какое как вшептать стихотворенье,
И знал, где будет он рукоплескать
И где молчать, храня недоуменье,—

Все шло привычно. Как всегда.
И вдруг,
Поведав про любовь, измены, муки,
За веерами хлопающих рук
Увидел я молящиеся руки.
Та девочка
прижала их к щекам —
И лишь одна, не слыша всплесков зала,
Моим рукоплескательным стихам
Не хлопала... Она им
сострадала.
На донышках ее прозрачных глаз
Слова мои темнели болевые...
«Ах, глупая,— подумал я,—
сейчас
Скажу тебе веселые, смешные,

Вот слушай — озорные, про коня,
Который пел
И говорил стихами...»
Но девочка
смотрела на меня
По-прежнему болящими глазами,
Как будто я, кого-то схоронив,
Вдруг на поминках
Веселиться начал!..

И замолчал я, все стихи забыв.
Мне стало страшно, что она заплачет
И, полная моей красивой лжи,
Зрачками все темней светя и уже,
Поднимется и крикнет:
«Докажи,
Что с этой ложью
ты кому-то
нужен!..»
И стал я говорить слова не те,
Которые привычно брал из дома...

«Товарищи! Мы в нашей суете
Друг другу так постыдно незнакомы.
Мы одиноки на виду у всех,
И так разноязыки души наши,
Как будто мы все искупаем грех
Гордыни зодчих Вавилонской башни.
Свою гордыню стали мы стеречь —
И близостью друг друга
только дразним
Мы столько не отпраздновали встреч,
Что стали забывать про этот праздник.
Стихи читать, как на балконе петь,
Неловко...
Но, чужбинные донельзя,
Мы стали одиночеством болеть
Со сладостью!
И нет страшней болезни!
И потому, как лекарь врачевать
Пытается одной святою ложью,
Поэт вдруг выйдет на эстраду врать,
Уверовав, что эта ложь поможет,

Что, зал притихший ею оглушив,
Он,
выбрав лица, как мишени в тире,
Соединит хотя бы две души,
Хоть две судьбы
В разъединенном мире...
Поэзия — река,
Поэт — паром,
Но дно реки
заносят ил и глина.
Скажите, вам
Страх немоты знаком?!
Я столько раз над письменным столом
Склонял ночами голову повинно
И понимал, что существую зря,
Ни для кого...

И ничего не стою.
Поэзия — наивная игра,
Занятие трагически пустое,
Когда слова, как за рекой огни,
Мерцают и обманно, и неясно,
И подступают с бритвою опасной
К немому горлу
Яростные дни...
Товарищи! Оставим в стороне
И личный вкус, и личные привычки.
Из залежей поэзии в стране
Нужней ковать ключи, а не отмычки.
И наплевать, что станет делать зал:
Дарить цветы или ногами топать...
Ты, девочка,
смотри в мои глаза.
Я не читал стихи. Не надо хлопать».

ДОМБАЙ

Так близко до неба —
хоть звезды в папаху сгребай.
Вознесшийся вверх
по тропинке обрывистой, скользкой,
«Домбай!» — я вскричал.
И откликнулось эхо: «Дом-ба-а-й...»
И тенью прошел по вершинам
Микола Гусовский.

— Куда вы? — спросил я.
И он мне ответил:
— Туда.

Прошли альпинисты —
Элитные дети прогресса.
— Со мной ты иль с ними?.. Решай.
Коль со мной, то айда,
Пока не погасли
гортанные песни черкесов.
Мы двинулись рядом
На пламя далеких костров.
Как страшно с бессмертным
Шагать по тропинке спиральной!
— Скажи мне:
Охотятся нынче у вас на зубров?

Я лживо кивнул.
Он в ответ улыбнулся печально.

Чабан, у костра нас приветствуя,
Подал айран:
— Питье без отравы...
Напиток, не годный для Рима.
— О чем ты, чабан?
— Я о жизни,
О людях, алан[1],
Что жить и любить
Не умеют без масок, без грима.

Мы долго молчали.
На севере месяц потух.
Ступали планеты торжественным маршем парада.
Ни кто мы,
Ни что мы, не спрашивал старый пастух.
Я встал, чтоб идти.
А Гусовский промолвил:
— Неправда.
Неправда! Без грима
Наш пот, и мозоли, и хлеб.

Не спорил чабан:
— Я вот байку одну вам разбаю.
Жил бай на Домбае.
Наладил он рай на земле —
С вином и гульбою —
как рай этот виделся баю.

Он спаивал зельем своих ненадежных служак,
Наймиты везли их, уснувших,
к вершинам Домбая,
А там им внушали:
«Вы в рай вознеслись не за так —
За верную службу,
За труд ежедневный на бая».
Три дня им дарили на райские игры.
Потом
Вновь зельем поили
и к баю везли среди ночи.
«Джигиты мои!
Пошатнулся от горя мой дом,
Когда вас не стало!
И слезы сожгли мои очи!

Я небо молил — и сказал мне аллах:
«Забирай
Батыров своих...»
Вас молитвы мои оживили!
Служите мне честно —
и каждый воротится в рай.
Служите мне верно!»
И верно
батыры
служили.

— Знакомая байка...
Но я не служил королю —

[1] А л а н — друг, приятель (карачаевск.).

Великому княжеству,
Родине, без укоризны.
Что смог, то свершил.
И, быть может, еще пособлю:
Есть новая песня в зачине во славу Отчизны.

Одно угадал ты: я ведал великий обман.
Но правды не предал,
Собрав свою правду по горсти!..
— Да кто вы такие?—
Спросил наконец-то чабан.
Смолчал я.
Гусовский сказал:
— Чужеземные гости.
Спасибо, чабан, за приют, за айран, за огонь.
Пора мне!
В дубравы, на ловы, к привычным свободам...

И свистнул негромко,
И встал, будто вкопанный, конь.
И призраком сник чужеземец
из Гусова родом.
— Вот это джигит!
Ну а лошадь — не каждому сесть!

Последние искры в костре чабана пировали.
— Скажи, чужеземец,
поэты в краях ваших есть?
— Бывали,— сказал я.—
И зубров в лесах убивали.

Прощайте...
— Бывай. Если что-то не так, извиняй...

К рассвету доспели
Светил золотые орехи.
Я сгреб их в папаху,
Взывая в пространство: «Дом-ба-а-й!..»
И долго катилось,
и топало,
цокало,
шорхало эхо...

ЕС 987 654 320 + 1

Стенограмма одного эксперимента

— Шеф, мы готовы.
— Поехали.

НАД ЗЕМЛЕЮ КРУЖУ ПОДРАНКОМ
ГДЕ ОРЕХОВЫЕ КУСТЫ
ТАК ПУСТЫ
КАК ПОД СГНИВШЕЙ ДРАНКОЙ
ОКНА ВЫБИТЫЕ ПУСТЫ
ГДЕ НЕ ВИДНО СЛЕДОВ ЛОСИНЫХ
ГДЕ В ЛОЖБИНАХ ТЕРЗАЯ ВЗГЛЯД
ПАУКАМИ ДЫМЫ НА ОСИНАХ
СЛОВНО ВИСЕЛЬНИКИ ВИСЯТ
ГДЕ СКВОЗЬ ЧЕРНЫЙ
КОВЕР ЗЕМЛЯНИКИ

ЧТО ПРОПИТАННЫЙ ЯДОМ СГНИЛ
ПРОСТУПАЮТ УГРЮМЫЕ ЛИКИ
СМЕРТОНОСНЫХ ЗЛОВЕЩИХ СИЛ
ГДЕ ЗНАМЕНИЕМ И РАСПЛАТОЙ
СУХОСТОЙ ГОРБАТИТСЯ СПИНАМИ
БУДТО ПАМЯТНИК ГЕРОСТРАТАМ

— Стоп, ребята!.. С размером что-то не то. Программисты!.. Самусёв, в чем дело?
— Вдохновение пропало. Поэтесса все-таки.
— Пошути мне!.. Запускай, пусть хоть рифму в последнем катрене вымучает.
— До какого слова?
— Спинами.
СТИХ
СЛАГАЕТСЯ
СТИХОМАШИНАМИ
— Стоп! Кто лексику вводил? Откуда такие единицы?
— Лексема СТИХ в задании была
ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ СТИХ.
— Стихотворение, а не стих, филолог ты наш ненаглядный.
— Не суйся, умник. У Маяковского СТИХ громаду лет прорвет...
— А СТИХМАШИНА откуда?
— Сама придумала.
— Гы-гы...
— Кому там смешно?
— Самусёву.
— Послушайте, шеф. Анекдот вспомнил. Рассказать?
— В отделе кадров расскажешь. Запускай!

ПОЛНЫЙ ПЕСНЯМИ И БЫЛИНАМИ
ХВОЙНЫЙ
ЛИСТВЕННЫЙ
ИЛИ СМЕШАННЫЙ
ЛЕС
ОТМЩЕНЬЕМ ЖИВИ УТЕШЕННЫЙ
СКВОЗЬ ОРЕШНИКИ АЛЫ КАК ЛЕШИЕ
ПРОЛОМИЛИСЬ

— Почему остановилась? Все ведь нормально.
— Характер показывает. Лирическое «я».
— Ты у меня дошутишься!
— Думает она, шеф.
— Она-то думает. А у тебя голова для чего?
— Для пересадки.
— Для лысины у тебя голова.
— Я не виноват, что лысый. Меня сглазили в детстве.
МЫ БЕСОВСКИМ СГЛАЗОМ ИСПОРЧЕНЫ
И ЗЕМЛЯ В ЗАВОДАХ И ФАБРИКАХ
НА ОРЕШИНЕ ЯБЛОКОМ СМОРЩЕННЫМ
ЧУТЬ ВИСИТ

ПОСАДИ СВОЮ ЯБЛОНЮ
— Ну что там, наконец!..

— Застыдилась. Яблоко на орешину повесила.
— Ей все одно: что орех, что яблоко. Лишь бы круглое.
— И лысое.
— Гы-гы-гы...
— Кончайте придуриваться!
— Шеф, серьезно: не идет у нее сегодня этот размер.
— А что за размер такой? Ямб? Хорей?
— Гекзаметр.
— Гы...
— Кому там снова смешно?
— Самусёву.
— Послушайте, шеф. Гомера вспомнил: возвращается Одиссей из командировки...
— Самусёв!
— А жена...
— Самусёв!
— Что?
— Ты в Греции в командировке был?
— Нет.
— И не будешь. И Пенелопе своей об этом скажи.
— Шеф, не губите. Попробуем накинуть пару стоп.
— Накинь. Только это последнее, что ты у меня делаешь.

МЩЕНЬЕ ЛЮДСКОЕ НИЧТО ПЕРЕД
МЩЕНЬЕМ ПРИРОДЫ
ТАЙНЫ ЛЮДСКИЕ НИЧТО ПЕРЕД
ТАЙНАМИ ВЕЧНОСТИ
ТАЙНАМИ ВЕЧНОСТИ
ТАЙНАМИ ВЕЧНОСТИ
СГИНУТ НАВЕЧНО ЛЕСА
И НАРОДЫ ЛЕСА И НАРОДЫ
БЕЗ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ БЕЗ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ
БЕЗ ЧЕЛО БЕЗ ЧЕЛО БЕЗ ЧЕЛО

Самусёв, долго она заикаться будет? Заклинило ее на человечности. У, же-ле-зя-ка! Эксперимент завершен. Никого не задерживаю. Все ободны.
— Шеф ...
— Привет Пенелопе, Самусёв!

КОНЦЕРТ ПОБЕДИТЕЛЕЙ

Алексею Дудреву

Я стал победителем. Нынче пирую.
Восторги по почте.
Целую.

Привет вам, мещане.
Вы люди простые, хорошие.
Что в будущем вам обещали —
Теперь уже прошлое.
Как дружно вы дунули
На свет, что едва замаячил...
Когда вы не дурни —
Я всем вам желаю удачи.

Собратья Победы! В юпитерах ярких
Со мной вы бежали по склонам Олимпа,
Сметая, круша триумфальные арки,
Разящие разною липой.
Ваш бег, что относится
К жанру свободных,
Не нравился многим —
В итоге:
Торопятся,
Лепят подобных.

Завистников хевра!
На памятных снимках
Со мной вы в обнимку...
Да хрен вам.
Вы спали и видели:
Ну, победитель,
сломай себе шею!
Для вас победители —
Словно живые мишени.
Но бьете вы, целясь
Туда, где мгновенье назад
Бежал победитель,— и пули сквозь тени
Летят.

От всех вас, кто скромно
Живет, ожидая
Удобной минуты, чтоб выстрелить,
Спасает нас скорость —
Такая,
Что вам упреждения угол не высчитать.

Друзья, побежденные мною,
Останьтесь друзьями.
Без вас я не стою
Победы.
Победа — за вами.
Мы были на равных затянуты в сбрую,
Сдиравшую кожу.
Я — нынче пирую.
Вы — позже.
У всех будет праздник!
Никто навсегда не последний...
И перворазрядник

Ворвется на финиш победный,
Где слава, как финик,
Сегодня сладка,
но где завтра
Рванешься — и в метре от финиша
Свалишься замертво.
Подкинет раззяву:
«Гляди! Победителю крышка!
Вот—плата за славу!
Вот — славы отрыжка!»

И слух по стране заметается,
Крича со щитов осажденных:
КОНЦЕРТ ПОБЕДИТЕЛЕЙ
ОТМЕНЯЕТСЯ!
А Н Ш Л А Г
НА КОНЦЕРТ ПОБЕЖДЕННЫХ!

Ценители
в зал для концертов
Набьются, как в зал для суда,
Судача: на сколько процентов
Звезда, что сгорела,
звезда?
Партерные кресла
Разморенно будут поскрипывать,
Пока над оркестром
Не вспыхнет, как молния, первая скрипка
И высветит лица
Восторгом,
Виной,
Искупленьем...

Пускай это длится
Недолго,
Победа — мгновенье,
Но этого мига
уже не стереть отпечаток...
На сцене, на ринге,
В перчатках —
и так —
без перчаток,
В поэзии пекле,
В аду стадионов ревущих
Сражается первый
За лучшее
в следом идущих!

Не вечен он, первый.
Олимп — это звездная плаха.
Не выдержат нервы.
Но первый не ведает страха.
Рисковый, раскованней,
Мчится он в звездном потоке,
Чтоб был коронован
Короной Победы
Потомок,
Кто лучше напишет
И выше над планкой взлетит!..

Он — первый, кто видит и слышит
Всех тех, кто его победит,
Кто чиркнет кометой
По небу крутому Победы,
Отмеченный метой
Идущего следом!

* * *

Ад — налево. Справа — рай.
Как по льдине,
К середине знай шагай,
К середине.
От начала. От конца.
И всецело —
К середине,
Где венца
Дело.
...Не согласен? Кривишь рот?
Ну еще бы!
К середине?..— Там народ...
Ты — особо.
Ты — пророк? Мессия? Ты —
Лавр на темя?

Эй, с портфелем!
(Тебя спрашивают, чего зенки вылупил?!)
На твоих
На золотых
Что за время?

НЕБЕСНЫЕ ВРАТА

На кладбище глухом, среди немых надгробий,
От света дня сокрыт мерцающей листвой,
С утра стоял старик, казавшийся подобьем
Поникшего креста, подпертого клюкой.
По истеченье дня, когда листва угасла,
Измучившись читать лица его черты,
Я подошел к нему. И он сказал: «Напрасно
Ты подошел ко мне. Зачем мне нужен ты?
Знакомства заводить на кладбище не место,
Иные есть места для праздной болтовни.
Все то, что спросишь ты, мне наперед известно.
Вопросы — ты и я. Ответы?.. Вот они».
Спокойною рукой он указал на камни
И шевельнул клюкой, как очертил кольцо.
«О, нет,— сказал я,— нет, не смерть, иная тайна,
Угаданная мной, печалит вам лицо».
Он повторил опять: «На кладбище не место...» —
«Что делали вы здесь?» — «Выслушивал траву».—
«Вы ждали?» — «Нет».— «Кого?» — «Вопросы
неуместны!... » —
«Я знаю, кто она, я имя назову.
Вы видели ее, вы говорили с нею.
Здесь в листьях и траве она растворена».
И он ответил: «Что ж, солгать я не посмею,
Да, именно ее, да, именно она.
Но, если ты решил, что понял тайну эту,
Напрасно назовешь всех женщин имена».—
«О, нет,— сказал я,— нет, таких желаний нету,

Мне важно знать лишь то, что именно она.
А имена, они
начертаны на камне,
И выбрал я для вас
Вот это...» — «Боже мой! —
Воскликнул он тогда.—
Она была жена мне...» —
«Вы путаете все... Могла бы стать женой».—
«Да, да,— он прошептал,— она могла... Как странно...
Но только ты не смог постигнуть тайны всей,
Она мне не жена — она была сестра мне...» —
«Простите,— я сказал,— могла б остаться ей».—
«Да,— согласился он,— она могла... Так было...
Нет, было все не так! О, как я мог забыть!
Она мне не сестрой — она была любимой...» —
«Возможно,— я сказал,— могла бы ею быть».—
«Ты глуп!—воскликнул он.— Что можешь знать ты,
Кроме
Того, что я сказал, того, что я скажу.
Свободных душ родство сильней родства по крови.
Ты знаешь это?» — «Да. Теперь я ухожу».—
«Постой! Повремени... Побудь со мной немного.
Скажи, когда она немыслимо длинна,
Скажи, ты знаешь, как
кончается дорога,
Ответь, ты знаешь, где
кончается она?» —
«Никак. Нигде.
Нет ни имен, ни отчеств
У родственных вам душ, и вы обречены...»—
«Молчи!.. — он застонал.— Я не терплю пророчеств
Особенно когда пророчества темны».—
«У вас там близких нет,—- я продолжал жестоко,—
Вы растеряли тех, кто мог бы вас позвать
Туда, куда мы все по истеченье срока
Уходим...» —
«Замолчи!..— он застонал опять.—
Зачем мне нужен там — кто здесь мне нужен не был?
Ты вздор несешь!» —
«Ну, что ж... Прощайте».—
«Погоди!
Ты прав! Я одинок в конце пути — и мне бы
Услышать голоса прошедших впереди.
Но не прошел никто. Напрасно напрягаю
Я немощный свой слух — там нету никого.
Ты знаешь, где они?..»
И я ответил: «Знаю»,—
Хоть знал: ни он, ни я не знаем ничего.
И он об этом знал. И в те пределы глядя,
Где нету ничего,
И перейдя на «вы»,
«Не бойтесь,— он сказал.— Не бойтесь, бога ради:
Я все-таки умру, хоть вы во всем правы.

Она меня не ждет. Но кончится дорога.
Должна она позвать,
Простить она должна...
Лишь как ее зовут, скажите, ради бога!
Скажите лишь, зачем она мне там нужна?»
Он мне в глаза взглянул... И не было во взгляде
От взгляда ничего—одна лишь пустота.
И, холодно кивнув, он двинулся к ограде,
Где сторож закрывал небесные врата.

КОЛЕСО ОБОЗРЕНИЯ

Да, сначала я выдумал молнии,
Спички — потом.
Если вдуматься, странно:
Будто молнии выдумать легче!

Позже Ева согнула лозину,
Косою связала концы —
Колесо получилось.
— Папа, пустим с горы!

И оно покатилось
Все быстрей и быстрей:
колесницей,
Самокатом и велосипедом,
Паровозом и автомобилем,
И судьбы колесом,
И еще колесом обозренья
В детском парке
у берега Свислочи
в Минске.

Да, я выдумал молнии
И за это был избран в отцы
Той плутовкой, по имени Ева,
Которая изобретает колеса.

И она привела меня в парк.
Мы купили билеты
И сели в зеленую люльку.

— Колесо твое будет катиться? —
Спросил я.
Она промолчала в ответ.
— Или будет крутиться? —
Спросил я.
— Нет,— Ева сказала.—
На моем колесе
Будем мы
Возвышаться.

Поднимались мы плавно —
И вниз уплывали деревья.
— Значит, можно возвыситься, видя,
Что кто-то становится ниже,
Или думая так? —
я спросил.
— Нет,— сказала она.—
Возвышаться — так вовсе не думать.
Думай так, чтобы все возвышались.

Я подумал — и тотчас
Деревья возвысились с нами,
А под нами,
на штырь телебашни насаженный,
Словно жернов,
Ворочался город,
И в трещине жернова стыла река.

— Либо — либо,— сказал я.—
Если жернов срастется, то вытеснит речку,
А развалится жернов —
Все проглотит песок.

— Нет,— сказала она.—
В возвышении — выход.
Город стал возвышаться.
Обвила, словно обруч, его
Окружная дорога,
От которой лучами
Разбегались пунктиры
Могилевской и Брестской,
Московской и Слуцкой дорог.

— По какой из них выход? —
Спросил я.
Она улыбнулась:
— По всем.
Когда дети становятся взрослыми,
Все они явно глупеют.
Жаль...
Кинь молнию вниз.

Я, обиженный, бросил...
Хлестнуло
Вдоль проспекта, как плетью,
И вспыхнули окна в домах.
Покачнулись деревья.
Как дробь, воробьи сыпанули!..
Но никто из людей,
Что придумали громоотводы,

Да, никто —
ни один!—
В небеса на бегу не взглянул.

— А теперь кинь им спичку.

Я кинул.
И сразу внизу закричали:
— Кто там в небе балует?
Что за глупые шутки с огнем!
Оштрафуем!..
— Вот видишь,-—
Притворно плутовка вздохнула,—
Ты обиделся зря. Я во всем оказалась права.
Надо всем возвышаться.

А люлька зеленая наша
Замерла на мгновенье,
минуя предел высоты.
— Как теперь возвышаться? —
Спросил я.
Она рассмеялась:
— Да просто.
Мы сойдем с колеса,
Пока люлька не двинулась вниз.
Дай мне руку.

И прыгнули
Мы из качнувшейся люльки
И пошли к облакам, взявшись за руки...

Следом за нами
Колесо покатилось,
Крутясь,
Возвышаясь,
а в нем
Время огненной белкой
Скакало по спицам столетий...

РОЗА ВЕТРОВ

Разговор с автоинспектором

Трава в низинах скошена морозом.
Бежит дорога, шинами шурша.
Напрасно в небо я бросал угрозы,
Напрасно с кровью смешивал я слезы
Они не стоят нынче ни шиша.
Бессмертный разум не постиг курьезы
Те, что постигла вечная душа,
Что помнила — и помнить не хотела...

Ну что же, пусть...
Войну души и тела
Начал не я —
Не я и завершу...
Я только свистом губы прикушу,
Пригорок проскочив обледенелый,
Где меж берез, иссеченных в лапшу,
Качнется даль, как в прорези прицела.

Шумит шоссе!
Шипит шипами шина...
Я в скорость прорастаю, как и все,
Летит «Москвич» по встречной полосе,
И сам я — скорость,
Сам уже машина!..

Куда зовет гудящее шоссе?
Быстрей, быстрей! —
Хоть топлива
на донце.
Ревут моторы — и не разгадать,
Кто спринтеры,
А кто здесь марафонцы:
Любой из нас —
сорвется с неба солнце
Убийцей
или жертвой
может стать...

Летит Земли зеленая колыска!
Качели звезд качаются над ней.
Былое — близко, будущее — близко.
Светлей горят огни у обелисков.
И у людей надежда
на людей.

Нас караулит случай на дороге.
Туман,
Поземка,
Оттепель,
Гроза,
Откажут на мгновенье тормоза —
И ты убийца...
Или в перелоге
Глядят на звезды мертвые глаза...

Мир охватил воинственный угар,
Лишь случай — и ослепнет вдруг радар

И через случай — атомное пекло...
Есть блокировка,
Есть автоинспектор,
Но случаю и он —
ни бог, ни царь...
Вот он свистит —
Велит остановиться.
Иду навстречу,
достаю права.
Стою, молчу —
Я ниже, чем трава,
Я рубль плачу,
Я слушаю слова,
Но лишь одним забита голова:
От случая ничем не откупиться!

Плывет корабль... У кнопки трое там.
Внезапно обезумеют все трое,
Нажмут на кнопку... Может быть такое?
Слепые люди,
И слепая воля,
И случай слеп...

— Я повторяю вам,
Что здесь ограничение.
— Инспектор,
Представьте...
— Что?
— Ракеты. Корабли.
У кнопки трое. И судьба Земли...
— Вы не про то пластинку завели!
Советую вам заменить протектор.
Предосторожность — вот главнейший знак
Везде и всюду.
— Так, инспектор, так.
Однако случай...
— Как уж повезет...
— Инспектор, всюду случай на работе:
Матросом он на корабле плывет,
Пилотом он летит на самолете.
Ему названья есть:
«Фантом», «Мираж».
Не называли так его от века...
Инспектор, нынче
На планете аж
Три тонны смерти —
Три! —
На человека.
Инспектор! Это сотни Хиросим
И Нагасак...
Да что там Хиросима!
Тут счет идет на сотни Евросим!
Вы слышали, Европу Евросимой
Назвали как-то...
— Мог назвать дурак.
— Нет дураков, инспектор.
— То есть как?..
— А так: теперь
На атомный костер,
Просчитанный машинами до цента,

Не люди попадают, а проценты,
Цифирь — не боле...
— Видимо, хитер
Тот, кто считает в ихних главных центрах.
Актер...
— Инспектор! Все мы любим игры.
Была бы лишь площадка, где играть.
Но тут театр закрыться может, взять
Да прогореть...
Когда играют тигры,
Опасно их за кошек принимать.
Им надо зубы стачивать, иначе
Покажут нам театр! К чертям собачьим
Все полетит...
— Ты перевел бы дух.
— В театре этом застит зренье зрячим
И слышащим парализует слух.
— О чем ты это?.. Слушай, ты не лектор?
— Я всех на свете лекторов директор.
— Скажи тогда:
Америка сама
Что ж думает?..
— Хватает ей ума,
Но нет в ней нашей памяти, инспектор,
Такой, как память-горе, память-боль,
Что гонит нас,
Едва костер запалят,
В запас брать крупы,
мыло,
спички,
соль...
Историей зовется наша память,
Бедою, что с лихвой хватило всем,
Когда земля могилами покрылась...

— Так ты за солью в Слуцк?
Скажи на милость...
— Да нет, инспектор. С солью нет проблем.
Достаточно мне в жизни насолилось.

— Ты все же странно памятью задет.
Когда по лавкам бегают с мешками,
Не память это — паника!
Меж нами,
И без того
Того-другого нет.
И спрашивать за это надо строго.
— За что?
— За все. Пора за все, браток...
Бери свой рубль, а мне верни квиток.
Подкинь до Селищ, круг здесь недалек...
— Садись, инспектор.
Катится дорога,
Звенит на взлобках тоненький ледок.
Чем дальше город,
Тем быстрее трасса,
Тем вероятность большая
Суметь
Среди лихих шоферов встретить аса,
С которым в прятки заигралась смерть.

Он так газует, аж шоссе дымится,
Да визг,
да свист,
да жуть на виражах...
Не знавший страха
Страха не боится,
А тот, кто знает, не забудет страх.
За ним дымится след переполоха
Как предостерегающая весть...

— А что, инспектор,
Присмотреть неплохо б
В деревне хату...
— Хаты нынче есть.
У нас, и в Самосеях, и у Ввоза —
Везде полно покинутых дворов.
На что тебе? Решил купить коров?
— Цветы сажать...
Растет такая роза:
Она зовется «Розою ветров».
— Дорога ветра?
— Да, тот самый вектор.
И не закон, а все-таки закон.
И все зависит от того, инспектор,
Откуда и куда направлен он.
— Зависит что?
— А то... Движенье пекла...
— Так вон оно куда бежит твой страх!
— Не о себе я думаю, инспектор.
Где детям выжить на таких ветрах?
— Об этом есть кому распорядиться.
Не суетись... Не нравишься ты мне.
— Не знавший страха страха не боится.
— А где его узнал ты?
— На войне.
На царской — с дедом.
На последней — с батькой.
— Ты байки бай, да лапти не плети.
— Инспектор, я учился не бояться
На службе. С девяти и до пяти.
Ты не волнуйся, скоро посмелею,
Еще тебе смелеть я помогу...
Но смерти не бояться
Не умею,
Не думать я об этом
Не могу,
Хотя и пощадила нас природа:
Бессмертные мы все, пока живем...

— Пока живем,
Что сеем, то и жнем:
Себе вживляют страха электроды
Безумцы, что играются с огнем.
Так пусть они колотятся,
А нас
Не запугают — не на тех напали.
Как некогда Европу мы спасали,
Так и теперь всю Землю мы спасем.
— Не то, инспектор.
Племя человечье

Себя боится,..
Чем, скажи, его
Спасти нам от безумья, от увечья?
— А разум — что? А разум — для чего?

— А разум дан и проходимцам разом:
Все лучшее, что есть в казне Земли,
Поставлено для бойни, для войны.
Такое сделать дурни не могли,
Разумники придумали, они...
Вот и спроси их:
Для чего им разум?

— Ну не скажи, браток!
На красный свет
Нигде и проходимцу хода нет,
Иначе тут же обломает ноги,
Хребтом своим усвоит суть дороги:
Пусть у тебя «жигуль», пусть драндулет,
На красный свет —
Нигде —
Проезда нет...
С чего ты будто на кресте распятый?..
Свернем в деревню посмотреть на хаты?
Понравится — так сходим в сельсовет.
Соседи будем...
— Мы и так соседи.
Мы все теперь на свете земляки.
— Тогда хоть в гости... А?.. Давай заедем
— Что ж, в гости можно...

Ржавые замки
На брошенных, забытых хатах Селищ.
— Инспектор, как зовут тебя?
— Тарас.

Как водится оно, за стол мы сели.
— Жаль, что нельзя. Да и закон как раз.
А может, заночуешь.
— Ждет дорога.
— А я себе накапаю... немного...
В честь гостя только...
— Будь, Тарас, здоров.
— ...Холера. Пахнет розою ветров.
Скажи, а ты всерьез?
— Про что?
— Про розу.
— Ну раз уж пахнет ею, то всерьез.
Сворачивает время на мороз.
— Такие розы и цветут в морозы.
— А ты шутник...
— А что? Мы люди тоже,
В ГАИ, брат, не долдоны, не кули...
А что до проходимцев... Так негоже
Нам их бояться.
Быть того не может,
Чтоб мы их, гадов, не перемогли.

— А как же случай?
— Риск большой, известно.

Ракеты, бомбы... Нет живого места.
На суше атом,
Атом под водой.
Рванет — и мир расколется на части...
— И что спасет?
— А случай! То же счастье...
Я верю: случай — он за нас с тобой.

— Ты диалектик, дорогой Тарас.
Ну, будь здоров, дружище!
— В добрый час!

...Стальной лавиной
Мчит по трассе век.
Трещит ледок.
Все в инее березы.
Я еду в Слуцк.
Везу на праздник розы.
Там народился новый человек.
Он сын моих друзей.
Мой соучастник:
Одно нам небо —-
И земля одна,
Мой современник,
Ибо нас, на счастье,
Не разделила
ни одна война.

Ему пока что имени не дали.
Он в первый раз таращится на свет.
Что видит он в чреде грядущих лет?
Меж ним и нами — поколений дали.
Он спросит с нас — и нам держать ответ.

МАЛАНКА[2]

1

Поэма

Гроза прошла. И клекот грома
Затих...
И в хату из окна,
Магнитом памяти влекомый,
Вплыл шар...
«Она!
Ужель она?»

Шар наплывал,
Он бился ало,
Как сердце, с той же частотой.
Какая боль его сжимала?
Какая радость распирала?..

«Ужель она?»
Он был пустой,
Клубок небесный... Он светился
Насквозь, но в страшной глубине
Извечный сумрак в нем клубился...

Я помню все!
Я лишь забылся,
Хоть память сожжена в огне.
Маланка!..

Время раздвоилось,
И — наяву или во сне —
Она вошла в меня, вкатилась,
И взорвалась она во мне.

...Был сон. Маланкой сон тот звали.
А может, явь звалася так.
Была она.
Был Ай-Кайлак,
Где днем и ночью штурмовали
Крутые волны склоны гор...
Мы там пещеру отыскали,
Втащили скарб,
Зажгли костер —
И жить в ней начали...
Мы знали,
Что это все — забава, блажь,
Игра, ребячество, не боле,
Что не сбежать от вольной воли
И не найти ее...
На наш
Костер мы мясо печься клали,
Его обильно поливали
Вином...
Там лился водопад
С питьем веселым,
рос там сад,
Где звери вольные гуляли,

Где птицы смело гнезда вили

---

2 М а л а н к а — молния, женское. (Белорус.).

И вился дикий виноград...
Там много лет тому назад-—
И жизнь назад, и смерть назад! —
Мы в небе молнии ловили.

Любили мы...
О, немощь слов!
О звуки эти холостые!
Надежда, счастье, страсть, любовь..
Лавина слов!
И все — пустые.
Песчинки, что от прежних глыб
Остались, как намек на глыбы.
Немые мы.
Немее рыб.
А может, мы и вправду рыбы,
И тайна матери-Воды
Живет в нас немотой невольно...

Идет Маланка вдоль гряды,
Следы ее целуют волны.
Литая стать!
Крутая бровь!
С плеча,
от солнца золотого,
Стекает свет...

Восторг? любовь? —
Не подобрать ей в пару слова,
Когда за ней летят стрижи,
Крылами небо половиня...

— Гомер!
Что видишь ты, скажи?..—
«По берегу идет богиня».

Поэзия!
Твои столпы
Слепцы! Ну что слова их стоят?!

Поднялись радуги столбы
Там, где Маланка косы моет.
Она пока у той межи,
Где хлябь не знает постоянства...
— Гомер!
Что видишь ты, скажи? —
«Межу! — откликнулось пространство.
Межу, какой не видишь ты
Меж словом и бесплодным эхом...»

— Гомер!
Дельфины на хвосты
Встают Маланке на потеху.
Прибой, как будто бы в мольбе,
Протяжно стонет у завала...
Как много слов, Гомер! Как мало!..—
«Их эхо прилетит к тебе».

Пускай!
Все опасенья — прочь!

Желать другой судьбы — нелепо.
Пещера.
Море.
Скалы.
Небо.
С Маланкой — день,
Молоньей — ночь.

Она любила ночь, Маланка!
И ночью —
так уж повелось —
Я часто вижу:
Тень русалки
Роняет лунный свет с волос,
И падают под ноги зори...
А тень — на ощупь, по стене,—
Стряхнув с себя объятья моря,
Идет в объятия ко мне...
О, как по жилам токи катит,
Когда не помнишь слова «хватит»,
Когда совсем не помнишь слов...
Маланка!
Золотая рыба!
Когда любовь — так вот любовь!
Когда погибель — вот погибель!

...Кто мы такие? Что мы?
Где
Искать разгадку тайны этой?..

Бежит Маланка по воде,
Полночным сумраком одетой.

Я сплю.
Сморила ночь зверей.
И только женщина на волю
Бежит сквозь мглу,
Летит сквозь долю,
И зори сыплются с кудрей.

—...А кто тебя, моя владычица,
Назвал Маланкой?
— Я — язычница.
Я имя у огня взяла.
— Зачем?
— Чтобы спалить дотла
Все зло.
— Добро сгорает чаще.
— Не смейся! Знай, что я была
Огнем, маланкой настоящей.
Я — дочка Грома и Воды.
Я родилась, когда вражды
Не знали люди, птицы, звери...
Ты мне не веришь?
— Я-то верю...
— В других покамест нет нужды.
Ты — мой избранник...
Что ты знаешь
О нашей вере?
— Ты играешь

Со мной в языческую чушь?
Огонь! Переселенье душ...
— Да, так! И будущий мой муж...
— Я им сейчас готов назваться!
— Постой!
Успеешь наиграться!
Мы сквозь огонь войдем в родство:
В грозу должны мы обвенчаться,
Чтоб снять проклятие...
— С кого?
— Со всех, со всех...
— Ты мракобеска!
— Мой путь к тебе лежал во мгле...
Земные стежки нас связали,
Чтоб мы вдвоем проклятье сняли
Со всех, со всех,
кто на земле
Живет и умирает мерзко.
— Кто ж проклял их?
— Перун. Отец мой.
— За что?
— Кто б это ведать мог!
— Так Саваоф, библейский бог,
Нас проклял тоже...
— Сказки детства!
Что Саваоф, дедок всевышний!
Вспылил, назначил день суда...
А тут:
ни знака! ни следа!
Неведомо, откуда вышли,
Идем неведомо куда.
Там — грех. Соблазн, скребет, как скребень,
Не соблазняйся до венца...
А тут: проклятие — и темень.
И ни начала ни конца.

— Так где же выход?..

Волны били
Оземь —
голгофу всех голгоф...

— Адам и Ева
Не любили...
За это проклят Саваоф
Их и детей их...
Грех — приманка.

И вновь мы всюду и нигде!..
И снова женщина — маланка? —
Бежит по трепетной воде.

...— И все ж:
Вначале было слово,
Потом лишь —
свет, вода, земля...
— И сад потом,
И в нем змея.
Придумал кто-то бестолково
Легенду эту...

Может, свет
Создал поэт?.. Слепой поэт.
— Но почему слепой, Маланка?
— Я так, не слушай...
Я обманка,
Я дочь Перуна и Воды.
И я не верю в сказку эту!
Зачем — иль богу, иль поэту —
Пускать по миру дух вражды,
Измены, зависти, разлада?..
И что нам сказки с райским садом,
Коль мы несем из века в век
Всю эту нечисть — горе света?..
— И есть ответ, и нет ответа...
Спросила б ты слепца поэта,
Зачем был создан человек?

— Я знаю.
— Я тебя бояться
Начну, пожалуй...
— Чтоб смеяться
И плакать кто-то мог, скорбя.
Чтоб жил познанья гений гордый,
Он — сын,
А мать людского рода —
Любовь.
Создала нас природа,
Чтоб через нас
Познать себя.
— И все ж...
Ладони!
Плечи!
Губы! —
Потом:
земля, вода и свет...

— Что означает слово, любый,
Когда еще предмета нет?
Ведь слово — это только полость,
Так, оболочка для чего-то...
Вот слово:
СОН.
Вот слово:
ГОСТЬ.
А кто он, гость?..
И тихо кто-то
Ответил:
— Я...

Костер потух.
Метнувшись вбок, погасли свечи.

— Я господин пещеры.
Дух.
Незваный гость на вашей встрече.
— Ты видишь нас?
— Зачем мне зрак?
Я — дух пещер. Всемирный мрак.
Я темень — вечности статут...

И все ж, как ты — зарю спросонья,
Я блеск молоний вижу:
Тут .
В обличье женщины молонья.
Я допытался у нее
Про то, что ты не допытался...

На голос—голос отозвался:
— Постой! Пока недостает
Лишь одного: он не поклялся.

Маланки голос!
В темень врос
Я слухом, зреньем, кожей, кровью:
— Кому я клятву не принес?
— Тому, что ты зовешь любовью.

— Дочь Перунова! Видит бог:
У ног твоих —
на клятве клятва.

— Вот два клубка:
Здесь — шелк,
там — дратва.
Ты выберешь один клубок.

Клубок из дратвы был как лед.
Клубок из шелка был горячий.

— Маланка!
Что все это значит?!
— Твоя судьба, твоя удача
В одном из них; шагни вперед
И брось клубок!
Он — быть тому! —
Коль угадаешь, спалит тьму.
— А если нет?
— Тогда за гробом
Клятвопреступника
Вина
Пойдет, как верная жена,
А вслед за нею
месть и злоба.

И я швырнул во тьму их оба!
И засветилася она.
— Молонья!..
— Тайна шаровая...
Плывет, сверкает, всем видна,
А кто она и что она —
Никто не ведает, не знает.
Так и любовь влечет, качает
Сильнее доброго вина,
А что она, зачем она —
Никто не ведает, не знает.
И только я — одна на всей,
На всей земле —
Пусть покарает
Меня за это рок —
я знаю:

Она — маланка шаровая.
Клянись же мне.
Клянись же ей.
— Клянусь!

...И канули химеры,
Открылся мир—-широк, глубок —
Где плыли звездные шпалеры...

— Постой! — промолвил дух пещеры.
Здесь есть еще один клубок.

...— Вставай! Уже пропела ржанка.
— Я видел странный сон, Маланка:
Я разом бросил два клубка...
— И вылез из-под каблука!
— Не смейся, грозная владычица,
Теперь я знаю:
ты — язычница,
Ты на земле живешь века,
И ты должна при блеске молний
Венчаться...
— Да! Я это помню,
Хоть мне давно за миллион...
— И все же что за странный сон!
— И мне был сон! Да на Купалу,
Не нынче...
Будто я скакала
Через огонь, а тот огонь
Как будто не огонь, а конь.

Он с места — скок и, взвив как бес,
Понес меня среди небес,
Меж облаков, громов, сияний,
Меж звезд, созвездий и планет
И там, где сгинул белый свет,
Остановил свое скаканье.

Оттуда — из небытия! —
Раздался глас, как из-под века:
«Кем хочешь быть, мое дитя?
Маланкой или человеком?»

«Кем быть хочу?..
А кто я есть?
На что мне
Муки,
Радость,
Месть?..
И где мой путь?.. Открой мне веду!»
«Вот путь тебе,— ответил рок.—
Вот след тебе.
Иди по следу,
Не соступай ни шагу вбок...»
И пал
Под ноги мне
Клубок.

— Клубок?
— Клубок огня: сжимало
Его, как болью,

Страсть бежала
В ней алой влагою житья,
И я — на голос Небытья —
За ним ступила —
и пропала.

— Пропала? Как?
— А так: не стало
Меня нигде.
Ни в чем.
Ни в ком.
Я просто стала Небытьем,
Но и в небытии, и в нем
Я тоже не существовала.

— Не понимаю.
— Разуметь
Такое трудно.
Это — смерть.

— Смерть молнии?
— Нет, смерть людей.
— Так что ж?.. И души иссякают?
На что ж надеяться?
— Из всей
Горы надежд —
одна...
— Какая?
— Любовь — маланка шаровая,
Любовь:
от нашего ярма,
От страха перед преисподней
Спасенье!
Нет ее свободней,
Она — наш путь и след сегодня,
Она — бессмертье,
И сама
Взяла я молнии названье
Там, у пределов мирозданья,
Где только свет
И только тьма.
И нас за это обручить
Обязан рок.
Под свет излома
Слепящих молний,
Грохот грома
Мы поклянемся век любить,
Любить одну и одного...
Отца мы кликнем моего:
Пусть небо
Грозно содрогнется,
Сместится твердь — и из могил
Восстанут все, кого спалил
Перун огнем, а тайну их,
Любовь, что молнией зовется,
Надежно спрятал от живых.

Так — за мильонами мильон —
Восстанут дети всех племен,
Что с незапамятных времен

Во мраке ждали час условный.
Перун погасит скрип зубовный,
И для людей откроет он
Маланок тайну —
Дар любовный.

...Ты мне открыла этот дар,
Маланка! Кара Перунова,
Что в очи мне глядит сурово,
Молчит-пытает: все готово?..
Ты мне открыла этот дар —
Высокий,
праздничный,
прекрасный...

Я в небо шар закинул красный,
Но голубым вернулся шар.

...Природа — всполохи зарниц.
Природу можем — до крупиц —
Мы издробить...
В консервной банке,
Как будто в туче, ходит гром.
Мы можем издробить маланки,
Любовь и верность сдать на слом.

С подделкой —
несравнимо чаще —
Нам проще жить, чем с настоящим
Оно из крови и костей.

Как стонет раненая лебедь!
Как жалок наш неловкий лепет
Про злое время скоростей!

Не заключай с подделкой сделку! —
Она отсрочка на поверку:
За ночью ночь
И день за днем
Подделываешь ты
подделку,
Подделанную Перуном
И сброшенную в коноплю
В минуту мести, гнева, кары...

Вновь блещет молния из хмары
Огнем, и громом, и пожаром!
Ее ловлю.
Ее люблю.

...Как мы любили!
Божий дар —
Маланок нестерпимый жар!..

Летели дни... Наш календарь
Тончал...
На солнце бронзовела,
Звенела кожа наших тел.
А неизбежное в прицел —
Да нет,
в упор уже смотрело.

...Она любила ночь, Маланка!
И с той поры —
так повелось —
Я часто вижу,
Как русалка
Роняет лунный свет с волос,
Легко распутывая месяц...

Был день девятый.
Август месяц.

И в этот день я — жизнь назад —
На свет родился...
С той угоды
Пообтрясли мы райский сад
И вычерпали водопад,
Сказать точнее: винопад,
Струились в нем тогда не воды,
Струилось сладкое вино!
Бурлит ли нынче там оно —
Не знаю.
Не бывал давно.

На званый ужин пригласили
Мы вольных пташек, рыб, зверей,
Чтоб всем, кому еще по силе,
С друзьями выпить за друзей...
И выпили они
и дров
Нам наломали будь здоров!

Звучала мудрость в каждом тосте
Но время шло...

Как на погосте —
Вина в том не было вины —
К полночи сделалось,
И гости —
Таким и правда нет цены —
Немедля стали разбегаться
Да разлетаться, расплываться...
И мы осталися одни.

...В пещере нашей на стене
Рисунок был:
Адам и Ева,
Игривый змей, познанья древо...

— Любили все же или нет
Они друг друга в миг запева? —
Маланка встала:
— Мы должны
Пройти весь этот путь с начала.
И яблоко вдруг — со стены! —
Как с яблони живой,
сорвала.
И надкусила. Брызнул сок.
И змей скользнул как наважденье.
— Маланка!

— Что, мой голубок?
Вот мой подарок в день рожденья.
Лови!..

И кинула
Клубок.

«Тот самый! Снится иль не снится?
Из шелка! Сон или не сон?»

— Мой скромный дар тебе —
зарница!
— Чего ж не светится?
— Светится
Не может проклятый...
Мильон
Тягучих лет еще продлится,
Пока Перун в душе смирится,
Пока проклятье снимет он.

— Еще мильон?
— Ловить нелепо
Меня на слове...
В тот же час,
Когда мы встанем перед небом
И небо обвенчает нас —
Она засветится...
— Как слепо
Ты веришь в эту ерунду!
— Вчера я лист нашла в саду,
Опавший первый лист...
Года,
Века мелькают как мгновенья,
А вечность — этот лист осенний,
Туманом скрытая вода,
А вечность — этот лист опалый...
На нем тебе я написала
Про нас,
Про все, что не сказала...
Да не читай!
Потом, потом...

Земля летела кувырком,
И нам дыханья не хватало.

...О жар любви неутолимый,
О смысл речей неуловимый,
Сокрытый в безднах
ТЫ и Я:

«О, мой единственный... Родимый».—
«Родимая...» —
«Ты мой, любимый?..» —
«Я твой, любимая моя».—

«Когда пройдут, не глядя, мимо
Твои друзья,
Родня,
Семья,—
Кому поверишь, мой любимый?..» —

«Тебе, любимая моя».

«Когда от пули неизбежной
Качнешься ты на склоне дня,
Кого ты вспомнишь, друг мой нежный?..» —
«Тебя, любимая моя,
Пускай земля засыплет веки —
Из тьмы,
Из гроба встану я
На оклик твой...» —
«Тебе навеки
И жизнь моя. И смерть моя».

— И смерть?
— На слове ловишь вновь?..
Ты глянь: страданья, кривда, кровь,
А на скрижалях новой эры
Все та же позолота слов
Любви, надежды, счастья, веры.
Свой тяжкий крест который век,
На этом же кресте распятый,
Несет по жизни человек.
— Так в чем он все же виноватый?
За что:
сонм сирых?
Сонм калек?
— Проклятый
род людской...
— Проклятый ?..
Зачем тогда житье земное
С его надеждой подставною
Дороже вечности самой?..
— Затем, что ты отыскан мною.
Желанный мой. Любимый мой...

В обитель тайны бесконечной
Земли, что свой клубок извечный
Мотает за витком виток,
Несет меня незримый рок
Сквозь мрак
на голос поперечный:
«Тут есть еще один клубок».
И дух пещерный,
Дух затворный
Швырнул клубок из дратвы черной:
— Возьми! Он — твой. В нем сплетены
Волокна мщенья и вины.
Его сберег я для укора...
— Оставь себе!
— Нет,
голубок,
Тебе принадлежит клубок
Обмана, хитрости, позора.
Пришел из тьмы ты —
канешь в ней.

И встал
на хвост клубок —
как змей.
Есть

Танец
Змей...
Начался танец —
На страже левая рука.
«Ты бросил сразу два клубка,—
Змея шипела...— Оборванец...
За это платят головою.
Ты станешь мраком.
Мрак — тобою.
Забудь Маланку... Только я —
Твоя любовь, твоя вакханка,
Мой поцелуй — лишь искра,
Ранка —
и все...»

Спружинила змея —
Ударила в нее маланка!
И видел мой померкший зрак:
Они в один клубок скрутили
И жизнь, и смерть,
Огонь и мрак,
Сцепили все — и отравили,
Смешали с тьмою,
Замутили
Добра исток
И зла исток...

— Клубок,— хихикал дух.— Клубок.

...Я подхватился:
«Быть беде...»
Пещеру светом заливало,
Бил гром,
На суше и воде
Гудело, охало, стенало!..

Маланки не было нигде.

— Маланка! — крикнул я...
Маланки
Цепами били по току —
И током дернуло руку,
Огнем скрутило пальцы...
«Ранка!»

Я высосал отраву сна,
Окрайком ночи губы вытер...

«Верните мне ее! Верните!
Она одна во мне! Одна!»

И с этим криком
со скалы
Я в море ринулся...

Валы
За мной сошлись в раскатах гула,
И голос мой в бездонье мглы
Сглотнуло море, как акула.

«Она одна во мне! Одна!..»

Ни следа не было, ни знака!..
Я докарабкался до дна,
До преисподней Ай-Кайлака —
И еле выплыл...
Я не плакал
И не кричал...
На злой песок
Зубами вынес, как собака,
Ее крученый поясок.

...Я вспомнил, лежа на спине,
Про желтый лист...
Пока носило
Меня в глубинах,
Море смыло
Письмо до слов:
«...большая сила
Есть в самом маленьком вранье.
За ложь взымается вдвойне...
А чтобы гром порой венчанья
Нас не убил —
Будь равным мне:
Своей любовью
И страданьем
Будь равным мне...»
И оборвала
Она строку. И лист опалый
Сказал не много и не мало
Душе усталой,
окромя
Того, что волны целовали
Ее следы... Потом забрали,
В застенках вечности сломали
Ее языческое «Я».

...Еще был случай, говорили:
Дивчина с юношей любили
Друг друга. Знали все окрест
Про их любовь...
Когда ж юнец —
От клятвы губы не остыли —
Пошел с другою под венец,
Ударила
маланка в крест!
А в чистом небе — ни помарки!
Но это — слух...

Кончаю я
Рассказ, что записал маланкой
На свитках мрака и огня.

НАСКВОЗЬ

Концерт для поэта с оркестром

Взметнулось эхо лет —
И в бездну унеслось.
Насквозь — высокий свет,
И тут же тьма — насквозь.

Добро и тут же зло —
Гвоздями сквозь ладонь.
Кого на свет вело,
Тот обретал огонь.

Кто шел, спеша на мглу,
Тот пепел находил.
Насквозь —
добру и злу
Распахнут путь...
Иди!

Года
добром и злом
Мы пробуем на слом,
На слом — земную ось —
Насквозь, насквозь, насквозь...

ВСТУПЛЕНИЕ

Поэзия
не тема для поэм,
И уж не тема для поэм — поэты,
Хватает без того у нас проблем,
В любой газете сыщутся сюжеты,
И тема эта между прочих тем
Могла бы подождать, да вот поэты
О всех поют, а сами не воспеты.

Итак,
К о н ц е р т .
Хотя и в жанре этом
Самих себя неловко воспевать,
Да, рассудив, пожалуй, и чревато...

И славится
амбал дураковатый
За то одно, что обнял он лопату
И думает: копать иль не копать?
Как лом,
Он на пути у нас
Стоит.
А рядом с ним —
кто с дудкою,
кто с лютней —
Гудут-гуляют лежебоки, трутни,
Что в кабинетах завелись уютных...
Под корень бы их всех, хоть и свои.

Как их назвать?..
Гнилье и сор. Парша.
Нутро нам разъедает эта ржа,
Короста на здоровом нашем теле...
Напрасно мы чесались и терпели,
Со сволотой
по-доброму хотели —
Не соскрести такую без ножа.

Поэтам не хвататься за ножи,
Но ты служи, поэзия, служи,
Не уступай
ни должности, ни дружбе,
Поэзия, ты с Правдою дружи:
Поэт
по долгу
на державной службе,
На службе очищения от лжи.

Служи, поэт. Тяни свой тяжкий воз.
Подобная работушка всерьез —
И сам ты знаешь хорошо об этом.
Служи, когда присягу в том принес.
А если взялся чистить туалеты,
Не зажимай, как фифа в перьях, нос.

Поэзия —
И в храмах,
И в хлевах.
Не вся земля в росе и мотыльках,
И жизнь пропахла не одной лавандой...

Мещанские
на нас
поперли банды
С коврами, как знаменами, в руках!

Им стало мало
Денежку иметь,
Из шкуры лезть, чтоб кус побольше выдрать.
Они решились
нам мораль подкидывать,
Своих — потертых —
Идеалов медь.

Проник повсюду
лицемерный сброд.
Живут не тужат.
Голод, недород,
Огонь, потоп — они находят брод
И доживают до седых бород...

Не камень это в чей-то огород —
В своем бы тут пересчитать каменья,
Как, спутав жажду славы с вдохновеньем,
Бьешь в грудь себя, радея за народ...
Народ смолчит. На совести прозренье...

Проснется ночью,
Станет донимать...

Хоть совесть не у всех — болеть, карать.
Коль взять ее да подрессировать,
На задних лапках научить стоять,
Прислуживать заставить, облакеить —
Она легко научится прощать
И будет для тебя хватать и рвать,
Сильней за прочих станет горло драть,
Мордатая, как грузчик в бакалее.

Очистить совесть —
это адский труд,
А райский труд—загнать ее в закут,
То пряник обещая ей, то кнут,
И — если даже ты подонком станешь —
Тебя не оправдает
Страшный суд,
Но сам себя
во всем ты оправдаешь.

В своем глазу не углядишь бревна.
Но ты — поэт.
Поэзия одна
Твой суд и совесть.
Кто, как не она
Ни богу и ни черту неподвластна!
Служа ей,
от рассвета дотемна
Работай. Если можешь, то всечасно.
Позорное не называй прекрасным,
От грязи душу очищай до дна!

...Чтоб чистить —
самому не след быть грязным.

Часть первая

ВДОХНОВЕНИЕ

Поэт работает меж тем:
Берет перо, бумагу
И пишет:
Я...

Затем
Он долго ищет рифму,
Бывает, что недолго. Бывает, и не ищет.

Я... (Ищет рифму.) Облака — река.
Первый — перлы. (Чешется.) Рука...
(Бьет по мухе, но весьма неверно.)

...Это все прелюдия пока
И смятение натуры нервной.
А стихи летят издалека —
Гости неизведанной Вселенной.

Перед ними следует сигнал,
Чувствуешь его душой и кожей,
А потом стихи —
Девятый вал —

Или нечто, что на них похоже.

Восковые муляжи. Обман.
Может рифмовать и графоман:
Ветры — метры, метры — минареты.
Только графоманы — не поэты.

Графоман — водопроводный кран,
Щедро бьет струя в бездонный жбан
Оды, мадригалы и сонеты...
Есть водопроводные сюжеты
(Право, там несет, как из клозета),
И от них зависит графоман.

А поэту наплевать на это:
Не водопроводный океан —
Вольный океан душа поэта.

Не принять сигнал сверхзвуковой
Графоману, пусть он самый рьяный —
Напрочь экранирован собой...
А сигнал все ближе. Боже мой,
Как колышут землю океаны!

Вот пошел, поднялся первый вал,
Разыгрался у подножий скал,
Плещет в рыла валунов-громадин!
Не затем, чтоб морды облизать им,
Из Вселенной послан был сигнал.

Неумолчно океан гремит!
Робкие
во мхи зарылись пуще.
Что не смог осилить предыдущий
Следующий вал уже свершит.

В этой качке вряд ли устоит
Тот, кто уцепился за привычки.
Вон дубы ломаются, как спички!
Сам поэт не знает, что таит
Океан
в своих глубинах зычных.

Со стихией не поговоришь.
Разгремелась, расшумелась, ишь!
Эту силу
словом не измерить,
Потому — в отчаянье, в неверье —
Ты, поэт,
Над словом голосишь,
В крик кидаясь, будто кит на берег...
Быть поэтом — риск.
А ты кричишь...

Где же
пролегают неизменно
Межи в стихотворной городьбе?..
Где поэт принадлежит Вселенной
Графоман принадлежит себе.

На поэта —
изо всех прорух —
Зрит вина,
Невнятно мучит слух
Будущая память и былая,
Графоман живет, о том не зная,
В рифмах весь, как в ласках потаскух,
Сущее покорно воспевая...

Бездна
разделяет этих двух.
У поэта непокорный дух,
Вольный дух
И память болевая.

Часть вторая

РЕМИНИСЦЕНЦИИ

Толкнем ладью воспоминаний...
Был странный час стандартных зданий,
Винивший зодчество сумбурно
В излишествах архитектурных,
Как будто украшавших культ,
За что немало было битых;
Кто бил кого — про то забыто,
Других теперь другие бьют,
Хотя ни в чем излишеств нету.
Да суть не в том:
вращал планету,
Свистел над ней метеоритом
Радарный и гитарный,
Битлов
И первых трасс вселенских
Час.
Мы не охаем этой славы!
На берег левый,
Берег правый
Не развести
его и нас.
Был час поэтов
На планете.

Гуляла вольница как ветер,
Упряма, молода, горда...
Шестидесятые года.

Как на реке весенней льдины,
Они течение будили,
Их было далеко слыхать,
И что-то чудилось в том гуде,
Чего уж никогда не будет
И, может, не было,
как знать...
Все было. Да не все осталось.
Но если б снова нам досталось
Прикинуть старые следы,
Навряд ли жили б мы иначе...
Чего мудрить, пушок свой пряча

В суровый веник бороды?

Но опыт все же нами добыт,
Он — боль и соль, на то и опыт,
Его добыть — как жизнь прожить.

А тут —
по целине —
держава.
Во всем размахе величавом...
Идет она — земля дрожит.

Мы — путь державы, суть эпохи.
И, если нас кусают блохи,
Махнем неосторожно — ох,
Нарубим дров, навалим леса...
Пора научного прогресса —
И время прогрессивных блох.
Да что там,
разве не советский
Был прошлый день,
Где шаг Плисецкой
Галерке шеи выгибал,
И, как живой курган Мамаев,
Гремел набатно Магомаев,
И букенвальдский зов стенал:
«Люди мира, на минуту встаньте...»
Мы разве хуже были?
Разве
Не ждали, что наступит праздник
Народов, мира торжество
И сквозь огни войны, сквозь муки
Родня
Родне
Протянет руки...

Мы ждали праздник. Ждем его.

Выходит, перемен немного...
Пегас, Гнедко — одна дорога
И тот же транспорт гужевой.
Все так же воздух пахнет гарью,
Фарцовщик бредит о приваре...
Но улыбался нам Гагарин,
Твардовский был еще живой.

Их имена не канут в Лету.
А лучше, хуже было —
это
С горы видней, чем под горою.
Приходят новые поэты.
Приходят новые герои.
Но остается знак охранный
На тех годах, теперь туманных,
Но столь неистовых тогда...
Не знали мы о Королеве —
А он был с нами...
Сколько нови
Бурлило в яром вашем зове,
Шестидесятые года!

Мы зыбким светом их согреты.
Да не сотрутся их приметы,
Как со стола
Нагар свечной...
И в час дневной, и в час ночной
Не забывайте их, поэты.

Часть третья

ОТЧАЯНИЕ

Поутру помаялся под душем,
У стола ночного тупо стал.
Прочитал написанное... Худшей
Ерунды от веку не читал.

Застонал. Согнул бессильно плечи.
Стукнул кулаками: порешу
Жизнь!
Не так живу, не так пишу!
Все слова — холодный пепел в печке.
Боже правый, для чего грешу?
Если есть ты,
Милости прошу:
Дар твой
не по силам человечьим.
Выругался. С лютостью глухой
Поглядел на книжные страницы.

«Книги, книги... Разума зарницы.
Для чего они все? Чтоб пылиться?
На мышином пире стать трухой?

Гении со лба стирали пот.
Думали. Чернели от забот.
Разуму учили. Только вот
Стало ль человечество умнее?
Нищета. Военный ветер веет.
Раб, как жил с душой раба,— живет.
Смерть страшней. Оружие все злее.
Книга — как зерно, что не взойдет.

Сколько написали! На века.
Хватит умным. Хватит дуракам.
Огнь дышал из черных уст пророка.
У-у-у, как стали!..
Ни с какого бока
Невозможно втиснуться никак.
Полки все забиты. Ого-го.
Ну, стоят. А толку? Что с того?
Так зачем писать и для чего
То, что идиоту очевидно?
С бугорка пустого своего
Восславлять прославленных? Постыдно
Защищать обиженных? Кого?..

Нет, пора кончать!
Труха, кора,
Суета смешная, мишура,

Стертых слов библейская оскома.
Рви последний лист календаря!
Жизнь, как всем известно,— аксиома.
Что за ней? —
давно узнать пора.

Что нас держит в жизни? Только страх.
Страх один,
Что там
Такой же прах,
Прах один — и ничего другого,
Ни чертей, ни ангелов, ни бога.
Как из гроба
зрит
покойник
строго!
Что в его зажмуренных глазах:
Конченная,
Новая дорога?
Будущего тени иль былого?
Что он видит в бесконечных снах?

Сны — стихи.
Поэзии тома —
Сонники. Поэты — шарлатаны,
Шулера, мошенники, шаманы,
Род людской сбивавшие с ума...
Гениев дает нам
эта тьма.

По заслугам—суд им. Ведь они
Посреди разбоя и войны
Навевали золотые сны,
Кликали в заоблачные выси...
Ну, спроси их:
эти сны сбылись ли?
Книги — ложь. Проделки сатаны.
Всем поэты лгут. И лгут себе.
В чернокнижной этой ворожбе
Болевой кровинкой на губе
Вдруг не ложь, а правда проступает:
Слову, что рождается в тебе,
Яму гробовщик уже копает.

Сила слов... Какая в слове сила?
Сколько слов на кровь перемесила
Сила власти, денег —
и могила
Сровнена с землей. Песок да пыль.
Веселило слово, голосило.
Шутовской наряд оно носило.
А раздели —
пустота. Пузырь.

Жаждет пустота. Она готова
Проглотить.
Что ж, отрешась от слова,
Отрекись и от житья-бытья.
Больше делать нечего...
Хотя...»

Вздор ночной переписал толково.
Строки зазвенели, что подковы.
Плакал и смеялся, как дитя.
...И забылся
сладким сном медовым.

Лирическое отступление

ПОБОЧНАЯ *ТЕМА*

Пока семи нет, в магазин
Рули упрямо...
Поэт на свете не один —
И в этом драма.

Есть у поэта
конкурент:
Поэт-коллега.
И здесь поэзии секрет
Сокрыт от века.

Поэтов — как травы в овсе,
Да каждый — первый.
И, славы ожидая, все
Слагают перлы.

Живую очередь не счесть,
Она, в запале,
Не только в магазинах есть,
Но и в журнале.

Когда поэт на белый свет
Глядит понуро,
То это значит: конкурент
На верхотуре.

Когда на водопой поэт
Идет —
за квасом,
То это значит: конкурент
Очистил кассу.

Коль потерял лицо поэт,
Надрался в лежку,
То это значит: конкурент
Подставил ножку.

Когда ж в статье поэта нет
(В осадок выпал),
То это значит: конкурент
С кем нужно
Выпил.

И тут уже не шах, а мат,
Пиши пропало...
Отсюда истина сама:
С кем пить не надо — этих тьма
С кем надо — мало.

И конкуренция растет
Без всякой нормы.
Уже и младшие вперед,
Гляди, поперли.

Еще не могут говорить.
А пишут, пишут...
Ну как тут жить?
И как творить?
Не жить тут, пусть оно горит,
А хоть бы выжить.

Пора унять поэтов рать.
Что рвутся в бойню:
Всех четко пронумеровать,
По рангам рассортировать
И по обоймам.

Кто гений — гений. Кто — долбня.
Не гений, значит.
(А сортировщиком
Меня
Прошу назначить.)

Зачем друг дружку грызть и есть,
Коль в дележе порядок есть?
Закон расклада
Всегда один: чем больше есть,
Тем больше надо.

А кто не хочет оторвать
Себе навара,
Тем привилегия:
Писать
Без гонорара.

Пускай куют авторитет,
Пускай кричат потом:
Поэт
Не продается!..
А кто поэт?
А тот поэт,
Кто издается.

Один, четыре раза в год...
Беда какая —
Читает там его народ
Иль не читает!

Слова зияют пустотой.
Поэты: первый... сто шестой...
Ах, все поэты!
...Залазь на постамент —
И стой
С пером, как чемпион с веслом
Стоит себе зимой и летом,
В трусы и маечку одетый.

Часть четвертая

ИМЯ

Не так и наевшись поэты,
Не так и напившись
промеж
Окладов,
Постов
И портретов...
Хоть музу зарежь.

Я сам не святой перед словом.
Срифмовано вдоволь туфты.
Товарищ мой — глас правоты.
С высоких позиций, сурово
Он судит... А очи — пусты.

На зависть здоровые нервы —
Ни боль не грызет, ни вина.
Я грешный, а он правоверный.
И глухо.
Стена.

От дружбы — лишь рожки да ножки.
Как будто в поэзии всей
Мы с ним поделили дорожки
И каждый бежит по своей.

Товарищ мой, что это с нами?
Что в нас происходит, собрат?
Страшнее цунами
Развал и разлад.

Душа по душе возрыдает,
Пробитая плачем до дна!..
От самоубийства спасает
Святая надежда одна.

Смежая усталые вежды,
Поэты уходят неспешно,
Сквозь годы идут, далеки...

Вчера возлагали надежды,
Сегодня возложат венки.

И всё.
Чей черед собираться?..
Не боязно с миром прощаться,
На крест восходить за него,
Одно только страшно: бояться...
Товарищ! Кого и чего?

Мы сыплем пустыми словами,
Но вспомним же
в горестный час,
Какие поэты за нами
Стоят, строго глядя на нас!..

Товарищ!

Когда называют поэтом
И пишут в газетах:
Поэт,—
Неловко,
как будто вошел без билета
Туда, где попросят билет.

Вина поглядит воровато,
Укроется в нору она,
Но неотвратима расплата...
Мы оба с тобой виноваты,
Товарищ мой. Только вина
Прикроется жестом, цитатой...

Какие слепые утраты!
Какая глухая стена!

Мы все виноваты. Повально.
За чистым столом поминальным
Покаемся, глядя вослед
Ушедшим...
Конечно, ты — нет.

Куда там! Милее котурны,
На них ты
с высокой трибуны
То молнии мечешь, то гром.
Ты спутал с трибуной
Трибуна,
Поэта с говоруном.

Ответь, из какой же парильни
Ты этакий вышел стерильный —
Хоть рви на бинты?
Не каждый там мылся, где ты.

Постой, не кидайся в кусты.
Кричу из своей маеты:
Поэзия — не говорильня
Большой или малой туфты.

Поэзия — не искусство
Щегла, что и в клетке поет.
Поэзия — это чувство
Ответственности за народ.

Народ — не трибунная помпа,
Не ширма для собственных льгот.
Народ — это каждый, кто помнит,
Что он, а не кто-то — народ.

Народом не стал кто попало.
Машерову, как и Купале,
Курганы народ насыпал
За слово, что с жизнью совпало,
За бой, что с судьбою совпал.

Какие поэты за нами!
Склонимся пред их именами.
Настали теперь времена
Спросить: а какие мы сами?

Какие
у нас
имена?

Часть пятая

ОГОНЬ

Нас принимает деревенский дом,
Давно, товарищ, нам сюда хотелось.
Давай вглядимся в прошлое, нацелясь
В года увеличительным стеклом.

Июльский день вершит свои круги
Над серединой лета, на пределе.
Мы долго-долго жить и жить хотели!
И дожили... Пора платить долги.

Счастливчики! Не ведая утрат,
Бежали мы с рассвета до полудня,
За праздниками не видали будней...
Ну что ж, настали будни в аккурат.

Обычные. Крутые. Без шумих.
Как и у всех, кто не имеет скидки
На пробы,
на ошибки,
на прикидки...
Да, не у нас теперь права на них.

Долги растут.
...А слово не в цене.
Ну как ему поверить, если рьяно
Оно скрывает истину,
Обманом
Запутывает,
где-то в глубине
Хоронит смысл, как море клад на дне.

Что знаешь ты, товарищ, обо мне?

От этого на стену в пору лезть,
Но вспомним: не слова ли призывают
Нас быть такими, за каких считают,
И забывать, кто мы на деле есть?

И человек, как прежде наг и сир,
Не зная смысла своего в природе,
Непонятым приходит в этот мир
И из него непонятым уходит.

Как бы не жил. К чему ж поэтов рой,
Товарищ мой? Какая в них потреба,
Когда мы ни на шаг под вечным небом
Не отошли от истины простой?
От той, что каждый — это целый свет,
Что наше одиночество — не мода,
Что память наша — память идиота,
Не знающего, кто он...
Кто ж поэт?

Пророк? Иль просто мастер чушь плести
Какое он в себе призванье носит?
Одно: заставить задавать вопросы,
Иначе нам ответа не найти.

Ответ, он знает, где-то должен быть.
Еще ему известно, как поэту,
Что не найти всеобщего ответа...
Товарищ мой, скажи ты: как мне жить?

А жизнь идет—и словно бы шутя
Вопросы задает своим порядком.
Поэт в ладоши плещет над отгадкой
И тешится, как малое дитя.

Мы в детстве все поэтами росли
До рубежа, когда природа гения
Ключом замкнула.
Как иголку в сене,
Его мы ищем... Гении — нашли.

Нашли — и что ж?
Казалось бы, щелчок —
И жизни смысл не может не открыться..
А тайна как таилась — так таится.
Не потому ль, что на дверях в темницу
Запоров нет... Сам человек — замок.

Сознанье... Разум...
Что он, разум твой?
Материи заразная хвороба?
Так, может быть, умнее нас амебы,
Коль им хватает клеточки одной,
Чтоб пополам делиться, умножать
Число амеб
и не уничтожаться...

Бессилен ум, способный унижаться!
Как весело, гляди, дровам трещать!

Не наглядеться на огонь живой
В изменчивости этих ломких линий...
Огонь живой, покуда в искрах синих
Не догорит до стержня шар земной.
А после
пепел. Головешек чад.
А где же то, что одаряло светом?
Искринки... смена линий... Словом, это
Все, что огнем тут было
Миг назад?

«Энергия?.. Законы?..»
Не смеши,
Товарищ мой! Какая все же проза!
Огонь-душа,
А разум наш тверезый —
Неведомое топливо души.

Не он—огонь. Не он — владыка наш.

Себя
извечно разум постигает
И превращает в дым, испепеляет
В живой душе бессмертия мираж.

Докажет он, что всем нам умирать,
Душа кричит: нам жить! — и побеждает,
Хоть не
«горит огонь» —
«дрова сгорают»
Подсказывает разум ей сказать.

Но все ж горят,
горят,
горят огни
В потоке дней, в изменчивости линий...
Товарищ мой, какие в мире ливни!
Искринку хоть
в ладонях сохрани!

Я верю в разум. Не его виню.
Напрягся он — и выдумал броню,
И стали вертолетами стрекозы...
Так пусть ему
подругой будет
проза.
Поэзия принадлежит огню.

Товарищ! Мы встаем навстречу дню —
Поэты! Не какие-то пролазы.

Что разум —
Разум,
знамо и коню.
А душу защищая, я храню
И разум тех, кто свой теряет разум.

Я разуму служу, его храня
От проходимцев, что страну шельмуют.
Какие только плуты не ночуют,
Товарищ мой, у нашего огня.
На них надеты тысячи личин.
Огонь —
он всем тепло и свет свой дарит,
А кто на нем горит, кто сало жарит —
Так сразу и не скажешь. Помолчим.

Самих себя зажарить не дадим.
Еще мы хрустнем, как кочан с мороза.
...Товарищ, а не слишком ли тверезо
Мы у огня веселого сидим?

Пусть жизнь цепляет за звеном звено,
Страх побеждая, что из бездны выплыл.
Пройдем мы путь, что нам на долю выпал.
Гляди, как ясно светится вино.
Огонь горит... Давай за это выпьем.

Лирическое отступление

ПРОДОЛЖЕНИЕ ПОБОЧНОЙ ТЕМЫ

Поэт
живет своею жизнью. Пьет.
Закусывает. Редко чистит зубы.
Любвеобилен. Паутину ткет:
Как женщину увидит — завлечет.
Бандита встретит ночью — сиганет.
Обходится бандит с поэтом грубо.

Ну что еще мне, слушатель, сказать?
Я красок не жалел бы для портрета,
Но боязно, что бросишь ты читать,
Вернее, слушать байки про поэта.
А посему о большем не скажу.
И, чтоб не портить своего товара,
На этом
отступленье завершу,
Признаясь по секрету, в чем грешу:
Написано
оно
для гонорара.

Давай с него
Гульнем на пару мы!
Обнимемся. Споем. Хотя б фальцетом...
Давай отделим
лето от зимы
В последней части
Нашего концерта.

Часть шестая

КРАМОЛЬНАЯ

Что, слушатель, с места привстал ты?
Крамола?..
Нет, миленький, выкуси!
Я слово затем это вставил,
Чтоб ты его выбросил.

Крамола — не с матом куплеты,
Не песни блатные про Мурку...
На службе державной
поэту
Нельзя быть придурком.

Поэт! Если страхом ты сломлен
И жизнь по рукам повязала,
Припомни: был Ленин крамольным,
Крамольными Пушкин, Купала.

Крамола —
Обычно крутого посола.

Цари, палачи
Ее изводили все годы.
Рубили мечи

Лилейную шею свободы.
Ее защищать
Вставала, грозя произволу,
Чтоб не покоряться
и не покорять —
С колами
крамола!

Но сколько в истории лет
Усеяно сплошь пепелищами голыми,
И никнут в петле
Крамольные головы.

Такого удела
Не знать недостойным!
Последнее дело
Считаться крамольным.

На скользкие дыбы
Вели их. Железом пластали.
И хищные рыбы —
Костры инквизиторов —
били хвостами.

На пыль их мололи,
Вели по этапам в рогожке.
Что, нету их боле?
Крамола
В крамоле —
Как будто матрешка
в матрешке!..

К чему нам, товарищ, все это:
Инфаркты, и слезы любимых, и злые доносы?
Однако взгляни,
Как цветут каждым летом
Крамольные розы.

И символом не напрасной
Крамольной борьбы нашей —
Вольно
Полощется стяг наш красный,
Парус крамольный.

Крамольно под ним
в замшелом болоте
Жирок наживать спокойно.
Крамольно
погибнуть на всплеске, на взлете,
А жить — не крамольно.

Крамольно,
ушами хлопая,
Любить болтуна
За голос...
Поверим ему — и скопом
Умрем от духовного голода.

Не хуже всех прочих людей
Тот, кто речи в цитатники выписал.

Есть выпас идей —
И идейные кони на выпасе.

Мешки травяные. Пасутся, заразы.
Трактаты слагают пристойно.
Послушать их: базис—надежная база,
Фундамент
под конское стойло.
Неужто
крамольно
В семнадцатом
век
для того мы взорвали,
Чтоб эти вот кони
Бока нагуляли!..

Товарищи кони! —
и каждый, и вкупе —
Эй вы, пристяжные, которых не счесть
Сегодня
для социализма
глупо
Доказывать, что он есть.

Его не похерить под мертвой рутиной,
Его не заманишь дорогою ложной,
Его не прикончить ни супердубиной,
Ни конской долбежкой.

Конские яблоки —
вон из дома.
Хватит на шушеру тратить нервы.
Социализм — не догма.
Социализм — энергия.

Плюс(!)
электрификация всей страны,
Чтоб видеть,
кто тянет на дно,
Кого производят в чины,
А он производит г...

Гляди, как гарцует конник районный!
Яблок — только сбирай.
Как будто район —
Ему отведенный
Рай.

Нет маленькой правды в районном масштабе
И маленькой веры в районной мере.
Мы служим все
в генеральном штабе
Великой, единственной правды и веры.

Будни, парады
С Лениным сверим:
Какой будет правда —
Такой будет вера.
И нам к ней
упорно

Стремиться в сегодняшней жизни
Под небом крамольным
Советской
Крамольно-прекрасной
Отчизны.

ПОСТСКРИПТУМ

Что ж, как говорится,
песня спета,
Время завершающей строки...

Слушатель! Хоть мы не простаки,
Я хотел бы уточнить-таки
Суть и смысл
Концерта для поэта.

Нету никакого здесь секрета:
Я прошу под именем поэта
(Истинного, честного поэта)
Понимать министра, кузнеца,
Пахаря, конструктора, певца —
Всех, кому не снять с себя ответа
За леса, заводы и поля,
Кто не даст земле сгореть кометой,
Кем земля воспета и согрета
И на ком стоит она,
Земля.

СОДЕРЖАНИЕ

ПАРОМ

«Перелетная птица сломала крыло в проводах...» Перевел Вад. Кузнецов
«...И не только фасоны пальто...» Перевел Вад. Кузнецов
В саду над рекой. Перевел Вад. Кузнецов
Дерево боли. Перевел Вад. Кузнецов
Родное. Перевел Вад. Кузнецов
Линия судьбы. Перевел Вад. Кузнецов
«Вела за калитку...» Перевел Вад. Кузнецов
«О, женщина...» Перевел Вад. Кузнецов
«Вышел...» Перевел Вад. Кузнецов
Семя. Перевел Вад. Кузнецов
Левки. Перевел Вад. Кузнецов
«Он в храме. Надменный старик...» Перевела Л. Гембицкая
Покинутый берег. Перевел Вад. Кузнецов
Паром. Перевела Л. Гембицкая
Охота. Перевел Вад. Кузнецов
«Удержи меня... Не отпускай...» Перевел Вад. Кузнецов
Банальное. Перевела Л. Гембицкая
Волчьи ночи. Перевела Л. Гембицкая
Чердак. Перевела Л. Гембицкая
«Нечастый праздник встреч...» Перевел Вад. Кузнецов
Ходок. Перевел Вад. Кузнецов

Тракай. Перевел Вад. Кузнецов
Листовка. Перевел Вад. Кузнецов
Облако над школой. Перевел Вад. Кузнецов
Десант. Перевела Л. Гембицкая
На память. Перевел Вад. Кузнецов
Богатырская гора. Перевел Вад. Кузнецов
Попутная. Перевел Зад. Кузнецов
Совет. Перевела Л. Гембицкая
Сон. Перевела Л. Гембицкая
Ты да я. Перевела Л. Гембицкая
Завтра рано вставать. Перевел Вад. Кузнецов
Актриса. Перевела Л. Гембицкая
Пилигрим. Перевела Л. Гембицкая
«Равнодушно проходить...» Перевела Л. Гембицкая
Желна. Перевел Вад. Кузнецов
Песенка. Перевела Л. Гембицкая

КОЛЕСО ОБОЗРЕНИЯ

Баллада лжи. Перевела Л. Гембицкая
Домбай. Перевел Вад. Кузнецов
ЕС 987 654 320+1. Перевел Вад. Кузнецов
Концерт победителей. Перевел Вад. Кузнецов
«Ад—налево. Справа — рай...» Перевел Вад. Кузнецов
Небесные врата. Перевела Л. Гембицкая
Колесо обозрения. Перевел Вад. Кузнецов
Роза ветров. Разговор с автоинспектором. Перевел Вад. Кузнецов

НАСКВОЗЬ

Маланка. Поэма. Перевел Вад. Кузнецов
Насквозь. Концерт для поэта с оркестром. Перевел П. Кошель

Владимир Прокофьевич Некляев

ДЕРЕВО БОЛИ

М., «Советский писатель», 1986, 160 стр.
План выпуска 1987 г. № 289
Редактор С. *А.* Еремина
Худож. редактор *Д. С.* Мухин
Техн. редакторы Р. Я. Соколова и И. М. Минская
Корректор С. 3. Михайлина
ИБ № 5908
Сдано в набор 14.05.86. Подписано к печати 06.08.86. Формат 7 0 Х Ю 8 ' / з 2 . Бумага тип. № 1. Журнальная рубленая гарнитура. Офсетная печать. Усл. печ. л. 7. Уч.-изд. л. 5,88. Тираж 7 300 экз. Заказ № 345. Цена 65 коп. Ордена Дружбы народов издательство «Советский писатель», 121069, Москва, ул. Воровского, 11. Тульская типография Союзполиграфпрома при Государственном комитете С С С Р по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 300600,
г. Тула, проспект Ленина, 109

Некляев В. П.

Дерево боли: Стихи и поэмы. Пер. с бел.— М.: Советский писатель, 1986.— 160 с.

Пожалуй, не выглядит преувеличением небольшая анкета, которую заполнил известный белорусский поэт Рыгор Бородулин, представляя русскому читателю своего земляка, лауреата премии Ленинского комсомола Владимира Некляева:

Знание жизни — доскональное.
Техника стиха — совершенная.
Гарантия прочности успеха — полнейшая.
Чего не хватает? — времени все сказать.

Вл. Некляев родился в 1946 году. Год рождения — послевоенный. Место рождения — еще дымящаяся после освобождения Белоруссия. И то и другое определило судьбу поэта...

© OCR: Камунікат.org, 2012
© Інтэрнэт-версія: Камунікат.org, 2012
© PDF: Камунікат.org, 2012